

Хвостёр
3
МАРТ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Писателей и писательской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

**АФРОДИТА
И НЕЙСТОН**

1

**URS — союз
пионеров Кубы**

20

**Поздравляем
дядю Стену!**

30

**МОЙ ДРУГ
АФРИКАНСКИЙ
СЛОН**

37

**ЧТО ГЛАВНОЕ
ДЛЯ КИНОАКТЕРА**

50

**Экспедиция
"Гидрограф"
продолжается**

62

На обложке
рисунок В. Голаякина
к киноповести
„Боба и Слон“

НА ГРАНИЦЕ ДВУХ ОКЕАНОВ

И. Войтенко

Рисунки А. Алемжи и А. Харшако

Дверь, где заседала рас-
пределительная комиссия
Одесского университета, рас-
пахнулась, и в коридор вышел
сияющий парнишка в клетчат-
той рубашке.

— Ну что, Юлька? — броси-
лся к нему ребята. — Аспи-
рантура? Работа на кафедре?

— Нет! — усмехнулся он. —
Лучше!

— В министерстве?

— Лучше!

ли не столько, сколько можно,
а сколько могли взять. А
сколько можно? Никто не знал.
И даже не задумывался. Море
было щедрым — и ладно!

Рыбаки обратились за по-
мощью к ученым: выясните,
отчего исчезла кефаль. Чтобы
это узнать, нужно подробно
изучить образ жизни рыбы,
чем она питается, где мечет
икру. На последний вопрос и
должен был ответить началь-

— Куда, не мучай?!

— Начальником биологичес-
кой станции!

...Это было только громкое
название: БИОСТАНЦИЯ. На
берегу моря стоял фанерный
домик, в нем — железная кро-
вать с матрацем, печка, не-
сколько приборов да сотня
склянок для опытов. Зайцева
никогда не встретил. Начальник
станции, он был ее единствен-
ным сотрудником, одновре-
менно — поваром, препарато-
ром, уборщиком...

Задание, которое он полу-
чил, было нелегким.

Испокон веков Черное море
славилось кефалью — ценной
промысловой рыбой. Но за
последние годы уловы ее резко
снизились. Рыбаки кляли
свою судьбу, однако понимали,
что одним невезением ничего
не объяснить. Видно, в про-
шлые годы перестарались — бра-

ник биостанции Ювеналий
Зайцев...

Ранним утром он уходил с
рыбаками в море, отмечал на
картах места удачного лова и
пустынные участки. Сравнивал
с данными прошлых лет. Рыба-
ки знали о кефали много. Но
ни один не мог сказать, где
размножается кефаль и глав-
ное — на какой глубине. Нача-
ли головами: может, в двадца-
ти метрах от поверхности, мо-
жет, и в ста... А Зайцеву нуж-
но было знать точно. Икра —
это будущая рыба. Нет ры-
бы — значит, мало икры. А
почему? Неделю шла за неде-
лей. Из Университета не торо-
пились, понимали — молодому
ученому попался крепкий ореш-
ек.

Рассказывают, что древне-
греческий ученый Архимед
вывел один из законов физики,
сидя в ванне. Зайцев в ванне

не сидел. Он сидел в море, по-
шею в воде, спрятавшись от
жары. Ломал под водой палоч-
ки и наблюдал, как они всплы-
вают. Сухие палочки взлетали из-
под воды, а мокрые и набух-
шие поднимались очень мед-
ленно. Некоторые даже воще-
ще не всплывали. Интересно, а
сколько весит икринка кефали?
Подождите, подождите. Ведь
по удельному весу можно
определить, на какой глубине
она находится! Зайцев чуть не
захлебнулся от радости.

И вот икра кефали на чашеч-
ке весов. Подсчет по форму-
ле... Еще порция. Опять под-
счет... Через несколько часов
Зайцев обвел карандашом
усредненную формулу и ска-
зал: «Ну, Архимед, спасибо!»

Удельный вес икринки был
всего на десятки миллиграм-
мов меньше удельного веса
морской воды. Всего на дес-

лись черные точки — зародыши будущих мальков. Только к вечеру плот причалил к берегу. Зайцев лежал под звездным небом на еще горячих от солнца камнях и прикидывал, как бы приспособить к краю плот большую линзу для удобства наблюдений.

В рассветном очередной рейс. И опять удача: снова обнаружено огромное скопление икринок. День за днем плот уходил в открытое море. В ластах и в маске с трубой Зайцев часами лежал в воде, наблюдая удивительную жизнь в верхнем слое моря. Из икринок вскоре выплывали малышки. Миряды мальков. И не только кефали. Что кефаль! Здесь были бычки, креветки... десятки видов рыб...

Зайцев ни строчки не написал в Университет. Боится, что засмеют. Ведь во всех учебниках по биологии моря говорили, что его верхний слой, до 10 сантиметров, — мертв. Ультрафиолетовые лучи солнца убивают здесь все живое. Рыба, жизнь — много глубже!

А тут... Он не торопился с выводами. Наблюдал, анализировал, проверял. Только поздней осенью он сел за подробный отчет. Ультрафиолетовые лучи, действительно, должны убивать все живое в верхнем слое моря. Этот слой — как своеобразный фильтр, защищающий организмы, живущие ниже...

И все же, вопреки существующей теории, верхний слой моря толщиной 0,5 сантиметра — не безжизненная пустыня. Нужно разобраться: почему не в глубинах океана, а именно здесь развивается икра и появляются малыши? Почему убийственные лучи здесь никому не приносят вреда? И дальше стояло еще 50 «почему».

Отчет Зайцева вызвал переполох в научных кругах. Зайцева срочно вызвали в Одессу. Ехал он не с пустыми руками.

Сеть! Он придумал хитроумную сеть! С ее помощью можно было обследовать только самый верхний слой моря в полсантиметра — нейстон. Сеть была самым весомым аргументом в доказательствах Зайцева... На глазах изумленных ученых прямо с борта научно-исследовательского судна он тралил нейстон и вываливал из сети груды всевозможных мальков, речных, икринок. Он доставал их оттуда, где ничего не должно было! Ничего!

Вопрос заведующему лабораторией нейстона доктору медицинских наук Ю. П. Зайцеву:

— Какое практическое значение имеет нейстон!

Ю. П. Зайцев: Самое большое. От этого тонкого слоя моря зависит жизнь в океане, а значит, — во многом и пищевые ресурсы человека.

В частности, исследования нашего института показали, что нейстон очень чувствителен к нефти. Оказывается, любой малек, выплывший из икринок, должен сделать единственный глоток воздуха, чтобы наполнить пузырь. Если на поверхности воды есть даже тончайшая нефтяная пленка, она не даст сделать этот глоток и малек погибнет.

За каждым судном остается невидимая нефтяная дорожка шириной метров в десять. Это дорожка смерти. Тысячи судов бороздят просторы океанов. Представляете, сколько гибнет малышей? И не в этом ли причина бед с кефалью? А если на карте капитана будут обозначены места массового нереста рыбы, он проложит курс судна в стороне, чтобы не погубить молодь, и этим сэкономит десятки тысяч центнеров будущей промысловой рыбы.

Доктор медицинских наук, член-корреспондент Академии наук СССР Ювеналий Петрович Зайцев подал меня к микроскопу. Я увидел странную картину. В воде плыло удивительное существо, окруженное прозрачной оболочкой в виде шара с двумя отверстиями.

В нейстоне оказались организмы, которых еще не знала наука, — пояснил Зайцев. — Вот хотя бы это крохотное создание. Прогоняя сквозь такой домик-аквариум воду, оно ловит более мелкие существа и бактерии, а их здесь кишмя кишат.

Зайцев сменил объектив, и передо мной замельтешили черные кружочки и палочки.

Итак, — продолжал Ювеналий Петрович. — Икра, малыши, простейшие, бактерии. Всем этим изобилует нейстон. Значит, закономерность? В науке никогда нельзя спать, ибо преждевременные выводы могут не подтвердиться. Мы избороздили Черное море вдоль и поперек. Капитаны советских судов привозили нам пробы верхних слоев моря из самых отдаленных уголков мирового океана. Тысячи проб. Нескольким лет напряженной работы. Только после этого можно было твердо сказать: нейстон — верхний слой океана — это своеобразный морской инкубатор для тысяч и тысяч видов морских организмов. Теплая вода, обилие пищи...

— Да, — спохватился я. — Но чем же питаются бактерии, ведь меньше их животных нет? Не воздухом же?

В ответ Зайцев показал мне старинный рисунок: из пенистого моря выходит прекрасная девушка с длинными распущенными волосами.

— Это богиня красоты Афродита. Мифы древних греков рассказывают, что она родилась из морской пены. В мифах все возможно. На острове Крит есть небольшая бухта, связанная узким протоком с морем. Волны, разбиваясь о скалы, об-

разуют в ней толстое белое одеяло из пены. И тысячи лет назад, и сегодня сюда приходят паломники, чтобы искупаться в пене. Легенды древних говорят, что она излечивает, омолаживает тело. Ученые не придавали значения легендам. Чего только в них не рассказывали! А что такое пена? Ничего не мог ответить. Пена есть пена. Дунет ветер — на берегах олов не образуется пена. Вот и все!.

Но оказалось, что древние греки были наблюдательнее нас. В мифе о рождении Афродиты есть доля правды. Пена — не что иное, как густок органического вещества. На поверхности моря лежит тончайший слой органической плесени. Ветер и волны взбивают ее, образуя пену. Когда биохимики подсчитали, сколько органического вещества на поверхности моря, — цифра поразилась! В пятьдесят раз больше, чем вес всех животных и рыб, обитающих в море! Включая китов, полвесяев, акул. В пятьдесят раз больше! Предельные запасы пищевых ресурсов! Вот выходит, что с пены начинается вся жизнь в океане!

Вопрос заведующему лабораторией морской радиоэкологии Одесского университета Г. Г. Поликарпову:

— Почему же все-таки ультрафиолетовые лучи не действуют губительно на организмы нейстона?

Г. Г. Поликарпов: К сожалению, пока точного ответа наука дать не может. Мы ведем в этой области исследования. Есть предположение, что опасные лучи отражает особый пигмент в чешуе организмов приповерхностного слоя моря.

— Пена — пожалуй, одно из самых удивительных творений

на земле, — сказал Ювеналий Петрович. — Это не просто сгусток органики. Тончайшие опыты показали, что в ней есть все необходимое для зарождения и развития жизни. Мы пока не знаем точно, при каких условиях возникла первая живая клетка на земле. Но есть все основания считать, что ее колыбелью была пена.

И еще. В пене в больших количествах находятся особые соединения, так называемые биологические стимуляторы роста.

Мне показали два аквариума. В одном по камням ползали огромные раки, в другом они были раза в полтора меньше. Возраст же их — одинаков. Зайцев пояснил: «Небольшая добавка пены в воду резко увеличивает рост рыб и морских животных. А если поливать обыкновенной водой с морской пеной растения, то урожай, скажем, пшеницы возрастает сразу на четверть».

— Выходит, что не нужно удобрений, — заметил я. — Бери в море пену и клади на поля вместо навоза или солей калия.

— Все не так просто, — улыбнулся Зайцев. Пена не только друг, но и враг. К примеру, после сильного шторма прибрежные поля в Японии покрываются слоем пены, принесенной ветром. Бывает, что после такой «подкормки» урожай полностью гибнет. Так что концентрированный раствор пены действует почтице любого яда. А вот малая концентрация пены полезна для всех организмов...

Пеной заинтересовались ученые многих специальностей: врачи, биохимики, физики, даже математики. Как знать, может быть, скоро мы станем свидетелями новых удивительных открытий!

СЛАВНАЯ МОЙКА— СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ

ПОВЕСТЬ

Михаил Глинка

Рисунки В. Бескаравайного

КАТЕР

И зачем только папе понадобилось разговаривать с этим Иваном Михайловичем? Разве не видно было по лицу, кто он такой?

По Иркутску мы не побродили, только потом уже, из такси, увидели Ангару. Вот где воды! В Неве, конечно, тоже воды дай бог сколько, но Ангара еще так несется. Водовороты, воронки и струи поверху.

На такси мы втроем поехали вдоль Ангары к Байкалу, и уже скоро в просвете над Ангарой впереди повисли неподвижные розовые и белые облака, но Иван Михайлович сказал, что это не облака, а снежные вершины Хамар-Дабана на другой стороне Байкала.

По обе стороны дороги уже была тайга, мы только иногда выезжали на берег, и берега Ангары, особенно тот, по другую сторону, были все выше, все диче. Иван Михайлович сказал, что раньше, по тому берегу, у самой воды проходила железная дорога — та, что шла к Владивостоку, а теперь ее спрямили. Здесь же вода из-за иркутской плотины поднялась, и дорога ушла под воду.

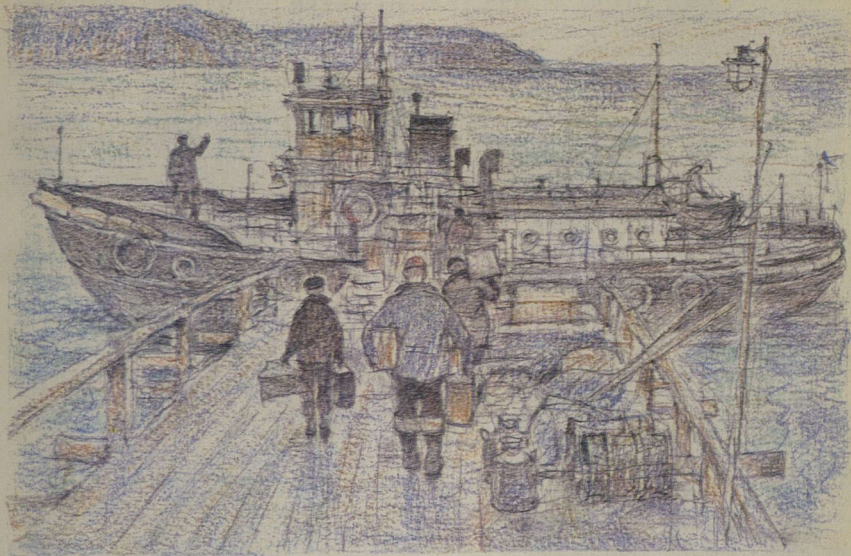
— Когда вы должны выйти в рейс? — спросил папа.

— Завтра. Я потому и тороплюсь.

Такси еще раз нырнуло вместе с дорогой в лес, еще раз вынырнуло к берегу, и я увидел вдаль ровную темно-синюю воду. Это был Байкал. Но мы еще ехали, ехали, ехали...

Научный институт стоял прямо в том месте, где из Байкала вытекала Ангара.

Мы вышли из такси, папа сказал мне, чтобы я погулял, а сам с Иваном Михайловичем пошел к директору института.

Перед институтом было деревянный причал. К нему нужно было сходить по крутой деревянной лестнице. Я спустился, но до воды с причала было еще не дотянуться. Говорят, она очень холодная. Я разул ногу и, держась за поручни, дотянулся подошвой до воды. И правда, она была холодная, но не такая, как говорят. Мол, как лед она. Ничего не как лед, а такая же, как зимой из кранов течет у нас в Ленинграде. Ничуть не холодней. Интересно, что сейчас мама делает? Завтракает, наверно. А мы-то... Вон куда забрались. У нас во всей Сибири не было ни одного знакомого, если не считать этого... Ну, его и считать нечего. Как подумаю, что мы с ним на катере поплывем...

Берега напротив видно не было. Белые вершины продолжали висеть в воздухе, низа этих гор я не мог рассмотреть, кисель какой-то. И не понять — то ли воздух, то ли вода. Вправо, через Ангару, стоял маленький поселок под высоким берегом, оттуда гудели катера и долетали глухие удары — сваи, что ли, заколачивали? Как у нас на Мойке. Зато и горы же здесь стояли кругом! И все из камня, да не из какого-нибудь сыпучего, а повсюду торчали гранитные бока — красные, коричневые, почти черные.

— Митька! — крикнул папа сверху. — Ты что это разулся?

— Ноги мою.

— Смотри, палец рыбы откусят! — сказал Иван Михайлович.

Еще шутить пытается. Избавитель детей...

Катер уходил на следующий день. Иван Михайлович ушел к себе домой. Мы с папой побродили по берегу, дошли до села Лиственичного, пообедали там в столовой, и уже наступил вечер. Холодно стало. И захотелось в Ленинград. У нас на Мойке сейчас ребята сетками колюшек ловят, теплень... Может быть, Томашевская уже приехала...

— День сегодня длинный какой-то, — сказал я.

Папа на меня глянул.

— Да ты совсем скис, братец. Пойдем-ка.

Ночевали мы в институтской гостинице. Я сунул носом в подушку, а дальше ничего не помню.

Снилось мне, что я иду по Мойке с той самой собакой, что сидела две недели в подвале. Собака бежит впереди и все время лает. А мы идем с дядей Тиграном, и он мне говорит, что собака нам покажет, где завал, потому что только что было землетрясение и надо завал взорвать. Если я хочу, он и меня научить может, как надо взрывать. Он говорит, что зем-

летрясение, наверно, у Летнего сада, а я с ним спору — там трести нечего.

— Просишь, Митька, пропустишь, — говорил папа и тряс меня за плечо.

— Что?

— Землетрясение...

— Где?

— А ты прислушайся...

Даже прислушиваться было не нужно. Как только папа отпустил мое плечо, меня тряхнуло без его помощи. Не сильно, но все же я сразу почувствовал. И графин на подоконнике звякнул, и зашуршала штукатурка, и обои треснули.

— Пап, спасаться надо!

— Еще успеем.

— Дом провалится! Знаешь, как в Ташкенте!

— Ну, сравнил.

— Вообще-то неприятно, — сказал я, потому что меня уже подташнивать начинало.

Через открытое окно было слышно: по всему берегу лают собаки. Особенно они заливались после сильных толчков. Прямо выть начинали.

— А который сейчас час?

— Четыре.

Я опять вспомнил маму. Вот бы она перепугалась! Под треск обоев я снова заснул, и не помню уже больше, что мне снилось.

И вот мы уже на катере. Идет погрузка. Мешки, ящики, громадные банки. Мы возьмем продукты экспедициям, которые разбросаны по всему Байкалу. Папа работает вместе с командой. Я, пожалуй, тоже, но так, чтобы не видел капитан. Он, правда, и не смотрит, засел в своей каюте и не выходит оттуда.

Катерные дядьки с нами не говорят. Только «ну-ка», да «подвинься», да «котойди». Могли бы и повежливей, папу ведь никто не просил таскать их же картошку. А он у меня не кто-нибудь, а планетолог... Но папа, будто так и быть должно, таскает. На ногу мне наступил и говорит: «На дороге не толкись!» Будто я ему чужой. Я чуть не заплакал. Но он на меня и тут не посмотрел.

Запустили машину. Грузить стало уже почти нечего. Еще только по разу сходили. Папа зачерпнул ведром на веревке из-за борта — ополоснулся после погрузки. Я ему полил, потом он мне. Я нагнулся, посмотрел на воду, а мы уже плывем.

— Пойдем, посмотрим, что у нас за жилье, — сказал папа.

Мы вошли в нашу каюту. Ее здесь кубриком называли. Ничего, жить можно, только темно-вато. Папа вышел на палубу, что-то передвинул над потолком каюты, и стало светло — там стекла наверху были толстые, мутноватые.

— Ну вот, — сказал папа. — Люкс и дво-рец. Как по-твоему?

Ничего «люксового» не было. Скучно. Так две недели и сидеть?

— Ты что это, Митрий? Не заболеваешь случаем? Опять киснешь?

А что мне было ему отвечать?

Из динамика шуршанье какое-то слышалось и музыка. Больше, правда, шуршанье. Потом щелкнуло, знакомый голос сказал:

— Пассажиру Белякову-младшему прибыть в рулевую рубку.

Я посмотрел на папу. Папа на меня.

— Иди, — сказал он.

— Зачем?

— Ты на судне. Слушайся.

— А ты?

— Но меня же не зовут.

— А я только тебе подчиняюсь.

— На судне все подчинены капитану. И я, и ты.

Это он, конечно, просто так говорил. В воспитательных целях. Но идти пришлось.

Капитан стоял в рубке. Он был уже другой немного. Но я его еще больше боялся.

— Ну что мнешься? — спросил он и повернулся ко мне. — Входи. Боцман, объясни матросу Белякову, как стоять на руле.

— А я не матрос... — пролетел я.

Он вдруг как заорет:

— Разговоры прекратить! Что за разболтанность!

— Вот смотри, — сказал дядька, который стоял на штурвале. — Это компас. Но он тебе не нужен, когда берега видны...

Я уж боялся рот раскрыть, но все же надо было показать, что я хоть что-то знаю.

— А на Байкале берега всегда видны, — сказал я.

— Правильно, — сказал боцман. — Всегда. Кроме тех случаев, когда их не видно.

Он, наверно, меня совсем дурачком считал. Или маленьким. Тоже удовольствие!

Он стал мне что-то рассказывать, но я понял только одно: рули, куда скажет капитан.

— Понял? — сказал дядька.

— Понял.

— Силы-то хватит?

Небось, когда я коробки с причала носил, так не спрашивал.

— Хватит, — сказал я.

— Рули пока что вон на тот мыс.

— Ладно.

— Не «ладно», а «есть».

— Есть, — сказал я. Не ответишь, так еще не даст рулить.

— Может, тебе ящик под ноги подставить?

— Да я и так смогу.

Не такой уж я малолетка, чтобы под меня ящики подставлять. И видно мне было все. И силы хватало.

— Ну, действуй.

И мы с капитаном остались одни.

Байкал был совсем гладким. Мы стали оглядывать то место, где из него вытекает Ангара, и я почувствовал, как нас потихоньку затягивает, как в воронку, и чтобы идти на мыс, надо было все время немного поворачивать штурвал. А потом прошли это место и стало почти нечего делать, и я стал смотреть на берег справа. Он был огромный, мохнатый, от леса серо-зеленый, и такой крутизны я никогда нигде не видел — сразу видно: камень. А впереди была чистая-чистая гладь, ни одного кораблика или лодки. День сегодня хмурился.

— Останешься за меня! — вдруг сказал капитан. — Держать на второй мыс. Если что-нибудь непонятно или впереди появится судно, нажмешь вот эту кнопку. Ясно?

— Ясно.

Он снял с гвоздя бинокль и надел его мне на шею.

Я веду корабль по Байкалу! Веду сам! Куда захочу, куда он и пойдет... Томашевская не видит. Вот когда нужно, так ее никогда рядом нет.

Немного вертанул вправо. Нос пошел вправо.

Я вертанул влево, но, наверно, перекрутил — катер здорово пошел левой. Я снова вправо... Еле-еле вернул нос на место. Не так-то, оказывается, легко. То перекрутишь, то недокрутишь. А все же здорово. И не такой уж он крокодил, этот Иван Михайлович... Непонятный только.

Рядом на столе лежала капитанка. Грязноватая она была, но хорошо бы ее надеть. И постоять. С биноклем и в капитанке.

Придерживая штурвал рукой, я добрался до капитанки, надел. Если ее приладить на самый затылок — то было вполне ничего, на уши она тогда не лезла.

Мой корабль шел точно на мыс. Я отпустил штурвал и взял в обе руки бинокль. Как сразу все стало близко! Деревья на кручах по берегу так прямо ко мне и скакнули! Я увидел, что на берегу здесь, оказывается, идет железная дорога. И стоят станционные домики. А ну, посмотрим в другую сторону! Вода была такая же, как и обычно, а что это там такое?

Из воды торчала какая-то черная морда с усами. Я посмотрел туда без бинокля — ничего не разобрать — черная точка и все. Нет, надо в бинокль!

Долго было ничего не найти. Потом морда появилась снова — маленькая, черная, и опять нырнула. Ничего больше не было... Я еще долго всматривался — вдруг появится, но так ничего и не увидел... Я повертел окуляры бинокля, повернулся, чтобы навести их на берег, чтобы проверить, так ли они настроены. Берега не было.

Я посмотрел вправо. Влево. Берега не было. Впереди его не было тоже... Только что был —

и вот скрылся. Я бросил штурвал и выглянул в дверь рубки. Берег был сзади!

Ну и закрутил же я штурвал... до отказа закрутил. Берег появился очень быстро. Но как в кино, он покатился мимо, пока не оказался снова сзади нас. Катер вертелся, не подчиняясь мне!

За шиворотом у меня стало мокро. Я закрутил штурвал обратно. Теперь я уже кое-что понимал. Берег еще был прямо против нас, а я уже почти вернул штурвал на место. Еще несколько минут, и мы твердо и точно шли на тот мыс, на который я должен был глядеть не отрываясь. Пришел Иван Михайлович.

— Ну? — спросил он. — Как дела?

— Ничего.

— Справляешься?

Тут только я вспомнил, что я стою в его капитанке. Я опять вспотел. Но он будто и не заметил.

— Еще денек-другой — и можно будет тебя на ночные вахты ставить. Или не сможешь?

— Отчего же... — сказал я. — Смогу.

— Вот и я тоже думаю.

Нет, он все же не такой уж был дрянной. Сухарь только. Когда он снова вышел, я незаметно положил капитанку на место. Будто и не дотрагивался.

ПЛЫВЕМ

Когда капитан в следующий раз вошел в рубку, подмышкой у него были две книги.

— Какая длина Байкала из конца в конец? — спросил он.

Я не знал.

— А ширина?

— Восемьдесят километров, — ответил я, вспомнив его же слова в такси.

— Так. В каком это месте?

А откуда мне было знать?

— Вот тебе книжка, — сказал Иван Михайлович. — Хочешь стоять на руле — сдашь мне экзамен по первым трем главам.

Весь оставшийся день и вечер, пока папа не погасил свет, ушли у меня на эти три главы.

— А где Иркутск? — спрашивал папа. —

А где мыс Покойники?

Он был, кажется, очень доволен. Я даже думаю, что он под шумок тоже подучивал — делал вид, что меня экзаменует, а сам все мотал на ус. И уж, конечно, до сих пор он не знал, где этот мыс Покойники. Недаром три раза о нем спросил.

Когда я поздно вечером вышел на палубу, то смотрел на все кругом уже совсем иначе.

В голове у меня сейчас был как будто учебник, даже по параграфам и главам все лежало, и думал я о том, что Ангара — такая громадная, быстрющая река, которая из Байкала не вытекает, а прямо выхлестывается, — выносит за целый год из озера лишь одну четырехсотую байкальской воды!

На следующий день все еще был штиль. Мы с папой ходили в куртках, потому что от воды тянуло холодком, но команда вся была кто в тельняшке, кто в рубашке, даже Иван Михайлович, уж на что старик — и то полдня бродил по катеру с засученными рукавами. Кроме него, в команде было четыре человека.

Во-первых, был кок, Гена. Я его хотел дядей Геной звать, но он сказал, что не будет тогда откликаться.

После погрузки, когда я был еще злой, теперь уже и не вспомню почему, — Гена взял меня молча за руку и повел по трапу вниз.

— Куда это вы меня ведете? — спросил я.

Он от ничего не отвечал, и я даже подумал, что на катере, значит, есть глухонемые. Он только улыбался и, когда привел меня к себе на камбуз, молча закрыл дверь, зашелкнул ее на задвижку и налил громадную кружку компота. С такой кружкой можно пожар тушить. Пить очень хотелось, но я был еще немного злой и потому сделал вид, что не хочу. Он упрямить меня не стал. Он просто сел передо мной и улыбнулся: врешь, мол, насковзь вижу. Я постоял и сказал, что пойду.

А он все улыбается. Я и сам уже понял, что шучу. Тогда он открывает картонный ящик, а там урюк. И изюм. Ну, я взял горсточку, чтобы не обидеть его, а потом и кружку выпил. Всю. Мама бы в обморок упала, если бы видела, что это за кружка.

— Приходи, — сказал Гена, — в любое время. Компоту трахнем.

— И перед обедом?

— Само собой!

Я решил его на слове поймать и пришел перед обедом. Но он снова налил мне целую кружку. Ту же самую. Я ее теперь из вежливости выпил — совсем пить не хотелось, и мы подружились. Он мне и макароны сухие давал грызть, и соленые огурцы с сахаром — и ни разу не учил, что с чем и что после чего есть — а это великое дело, когда без педагогики. Он чем-то на дядю Тиграна был похож.

Вторым был Николай Никитич, боцман, у которого я принял штурвал в рулевой рубке. Здоровенный он был, еле в ватник помещался. Сначала он спросил, как мое отчество, это мне уже не понравилось — значит, жди всяких подначек. Так и было. Встречаемся на палубе, он будто бы даже рад.

— Здравствуйте, дорогой Дмитрий Александрович! Как я рад вас видеть!

Что ему ответить?

— Не подскажите мне — что тяжелей: пуд свинца или пуд пуха?

Или еще:

— А что, Дмитрий Александрович, можете вы натошак два яйца съесть?

У нас дома так не шутили, но в школе я все эти подначки сто раз слышал. Но не станешь же всерьез отвечать? Я и отмалчивался. Или еще такой вопрос задаст, что как ты не отвечай, а дурак-дураком останешься. Например, сколько у велосипеда колес. Ответишь: два — так кто ж этого не знает, что их два? А что еще можно ответить — пять?

Но зато как Никитич топором работал! Он за десять минут с одним топором сделал громадный березовый молот, чтобы сбивать с деревьев кедровые шишки, а в другой раз — тоже одним топором, без ножика — челнок для плетения сети... Когда он начинал стругать дерево, скулы у него обтягивало кожей, а дышал со свистом, и глаза становились узкие, как у китайца. И еще он шлюпку один на воду спустил. Я ее еле качнуть мог — до того она тяжеленная, а он толкнет, дернет, и глядь — она уже на воде... Сапоги у Никитича были как у Карабаса-Барабаса. Гена мне сказал, что у Никитича дома в одном старом его сапоге собака живет, лайка. Выдумывал, наверно, но все равно правдоподобно. Я сразу поверил.

А еще про двоих из команды я после рассажу.

На следующий день я сдавал экзамен. Иван Михайлович сказал, что экзамен должна принимать комиссия, и пригласил еще папу и боцмана. Они все сели за стол в нашем кубрике — Иван Михайлович посередине, папа и боцман по бокам, а я перед ними стоял.

Сначала спрашивали о цифрах. Я их знал наизусть, и комиссия, кажется, осталась довольна, хотя папа и высказался, что «кое-что усвоено нетвердо». Потом стали спрашивать названия. Про Баргузинский заповедник спросили, и про Ангара, и откуда вытекает Лена. Могли бы и посложней что-нибудь спросить. Я все ждал, что папа заинтересуется своим любимым мысом, но он удержался.

— Вот скажите, Дмитрий Александрович, — сказал боцман. — Если штурвал повернешь вправо — куда пойдет судно?

— Вправо, — сказал я.

— Ведь понимает! — сказал боцман и посмотрел на всех. — А если влево?

— То — влево, — сказал я.

— Это ж надо! Ну, и последний, контрольный вопрос: а если прямо руль держать?

Что тут ответишь? Я и промолчал.

— Совершенно верно, — послушав мое молчание, сказал боцман. — Судно пойдет пря-

мо. По-моему, Дмитрий Александрович отлично усвоил материал и командованию следует доверить ему судно.

— Да уж ты обрадовался — есть кому на руле стоять... — проворчал Иван Михайлович.

— Так он же прирожденный моряк! — воскликнул боцман. — Скажите, Дмитрий Александрович, если вы идете прямо на юг, где у вас север?

— Сзади, — сказал я.

— Ну, что я говорил! Моряк!

— Погоди, — сказал Иван Михайлович. — Митя еще ничего не рассказал нам о землетрясениях.

— А вы мне не задавали...

— И ты ничего не прочел?

— Вчера одно было, — сказал я. И я посмотрел на папу.

— Вот что, мы сейчас подходим к берегу у Старо-Байкальской дороги, — сказал капитан. — Там вчера камни с горы от этого землетрясения срывались. Хочешь посмотреть?

Гора висела прямо над катером. На палубе стало сумрачно, хотя еще был день. Катер, тихо пыхтя, подходил к берегу. На берегу, чуть повыше, шла железная дорога. У самой воды стоял человек и махал нам рукой.

И вот мы идем по шпалам старинной железной дороги — сейчас по ней только раз в сутки проходит старый паровозик с четырьмя вагончиками, возит рабочих — прямо как трамвай.

Я нес мешок, в который мы что-то должны положить, когда придем в экспедицию, и бородатый человек в брезентовой куртке рассказывает, как здесь трещало вчера. Мы подходим к старому станционному домику, в ко-

тором давно уже никто не живет. Крыша домика проломлена насквозь. Дыра в полкрыши.

— А как там на комбинах? — спросил бородатый. — Ничего у них не попортило? Радио не получали?

— А землетрясение было не сильное, — сказал Иван Михайлович. — Это у вас тут камешки запрыгали, а вообще-то ничего особенного.

— Ты, Иван, забываешь, что сто лет назад залив на Байкале новый появился, — сказал бородатый. — Не «камешек» упал, не дерево свалилось, а двести квадратных километров ушло под воду. И все после землетрясения.

— Это ж не вчера, это сто лет назад.

— Остряк! — заорал бородатый. — Остряк ты, Иван! Да сто лет для геологии — это даже не вчерашний день, и даже не сегодняшнее утро — это вообще десять минут назад! Ты что полагаешь, что магма за неделю твердеет?

— Что такое магма? — тихо спросил я у папы.

— Это такая раскаленная масса внутри земли.

— А глубоко она?

— По-разному.

— Как же метро?

— Ну, — сказал папа. — Успокойся. Землю все же ковырять можно. Особенно в наших краях.

— А здесь?

— Здесь, конечно, она поближе. Но здесь и кора покрепче.

Я глянул вверх. Склон был почти отвесный, но на нем умудрялись расти деревья, и некоторые из них были расщеплены и вывернуты с корнем. А внизу валялись камни — все в белых пятах и с острыми краями... Если бы нам тут с мамой и с Томашевской побродить, мы бы, конечно, камешков поднабрали.

О СИЛОВОМ ПОЛЕ

Теперь я стоял на руле законно. Капитанку Ивана Михайловича, правда, больше не трогал, но бинокль надевал на шею сам. И штурвал из рук не отпускал — это ребячество, конечно, отпускать. А если бы рифы? Или встречный корабль?

От Старо-Байкальской дороги мы уже отошли на целые сутки. Мы идем теперь к устью Селенги. На Байкале все еще тихо, штиль. Опять вечерет, и я стою за штурвалом. Папа и Иван Михайлович переговариваются за моей спиной, в полутемной рубке. За эти дни куда-то делся папин характер, не чувствую его. Вот у нас дома, в Ленинграде, входил в квартиру и уже знаешь — дома папа или его нет. Даже если он сидит молча за столом, даже если спит. По всему чувствуешь. По голосу мамы, по тому, какие двери открыты или закрыты — по шуму и по тишине. Там, у нас дома,

я слышу папу, знаю, чего он хочет, даже когда он об этом и не говорит. А здесь, на катере, — все так же, да не так. Папа говорит, читает, шутит со мной, а я его присутствия почти не чувствую. Я это ему сказал сегодня. Папа посмотрел на меня внимательно и говорит:

— Молодец. Правильно. Мне здесь нравится, но это — не моя жизнь, вот силовое поле и исчезло.

— Какое поле? — спрашиваю.

— Ну, скажем, у магнита есть видимая нами часть — сердечник, а есть невидимая — магнитное силовое поле.

— Кажется, понял, — сказал я. — А вот у Ивана Михайловича это поле есть.

— Еще бы, — сказал папа. — Если у капитана да на собственном судне его не будет, дело труба.

Я хотел было сказать, что у Ивана Михай-

ловича «силовое поле» не только на судне, но воздержался.

Папу мои слова, слава богу, не обидели. Он и сам понимал, что не очень-то тут на месте. Но он ведь был ученым — исследовал и запоминал, и еще сам над собой подтрунивал. А это — хороший способ, я давно заметил. Вот когда драться собираешься, очень трудно на себя со стороны посмотреть, но если только взглянешь, удастся тебе такое, — то как бы драканы кончилися — ты все равно победитель.

Папа стоял сейчас за моей спиной, разговаривал с Иваном Михайловичем.

— А у вас в Ленинград командировка была?

— Да, считайте, что так. То есть, мне не обязательно было ездить, но поехал. Лет пятнадцать не был.

Помолчали. Только дизель стучал, да полз навстречу темный Байкал.

— Воевал я там, — сказал капитан. — Ораниенбаум, Петергоф. Друзья там лежат. Навещаю.

Папа молчал, и я молчал, слушал, что еще Иван Михайлович скажет.

— У нас батальон морской пехоты был... Ну, и там несколько байкальских. Так и звали — «сибирские матросы»... Человек пять только и уцелело... Шли мы на десантной барже, и — на мину. Вот поверите ли — палуба так прыгнула, что у всех почти, кого из воды вытащили, пяточные кости разбиты, а у некоторых еще и коленные суставы... Фронт движется, а я лежу. С сентября сорок первого по февраль сорок второго — все по госпиталю... Не срастается и все, стоять на ногах не могу. Да... А теперь езжу, навещаю. Редко, правда. Живых растерял, а этих помню.

Вот, оказывается, для чего он бродил там по берегу. А откуда мы с Томашевской могли знать, почему он там ходит?

— А теперь ноги как? — спросил папа.

— Хожу. Медкомиссию обманываю. Пятки-то ничего, срослись, а колени хандрят, валенками спасаю. А самое замечательное — в горячем источнике посидеть. У нас маршрут всегда через этот источник...

К источнику мы подошли на следующий день, уже в темноте. Справа по ходу катера вставали черные силуэты похожих на трамплины мысов. В заливе, которым мы двигались, было тихо. Казалось, что мы плывем уже не по воде, а по лесу, прямо над головой у нас вставали черные тени деревьев. Катер мягко ткнулся и слегка вылез носом на берег. Дизель замолк. С берега тянуло какой-то воюю.

— Раздевайтесь, — увидев нас на палубе, сказал Иван Михайлович. — Пойдем погреемся.

А холодина была страшная.

— Рискнем? — спросил папа.

— Рискнем!

Через пять минут папа уже сидел по горло в плохо пахнущей горячей воде. Я сунул ногу и сразу же отдернул.

— Неженка! — сказала папина голова. — Ванна — тепленькая, душ — тепленький... Залезай сейчас же!

Ну и кипяток в этой яме был! Я стал тихо-нежно погружаться. Сейчас сварюсь! Да еще темно. Вообще это был какой-то бревенчатый сруб, закопанный в землю, горячая вода просачивалась откуда-то снизу. Папа и Иван Михайлович сидели на подводных скамейках, а мне вода была по горло.

— Пап, — сказал я, — я уже сварился...

— А ты не шевелись, — сказал капитан. — Тогда тело покроется пузырьками. И выживешь.

Я замер. И верно, стало почти сносно, даже немного приятно. Я посмотрел вверх. Над нами стояло черное небо с дырочками звезд. Целебная вода пахла тухлыми яйцами.

Голова у меня вспотела, так было жарко, и все же ушами и даже волосами чувствовалось, какая холодина наверху. Вдруг в кустах что-то зашуршало.

— Что это? — спросил я.

— Змеи, — ответил Иван Михайлович.

— Как змеи?!

— Да так. Змеи и все.

— А что же мы тут... сидим?

— Разве плохо?

— Змеи ведь...

— Им тоже погреться надо. Они тепло любят.

Покачивается в десяти метрах от нас черная тень катера. Все на нем спят. Тихо стоит над нами тайга. Берег до самой воды зарос деревьями, некоторые стоят прямо в воде. В кустах опять шуршит, видно, змеи нас окружают.

Когда я проснулся утром, мне показалось, что я на качелях. Туда-а-а... Сюда-а-а... Туда-а-а... Сюда-а-а... Шлеп-шлеп по борту... Бабах! Это, видно, волной прямо в нос катера.

Папа сидел у стола и пытался что-то писать. Лицо у него было зеленое.

— Пап, — спросил я, — тебя укачивает?

Он кивнул. А мне было хоть бы что, даже приятно, я очень любил качели. Как мама... Вниз-вниз-вниз... Вверх-вверх-вверх... Я снова закрыл глаза. Здорово нас подкидывало, мы потом так и валились!

— Мить, ты проснулся?

Я открыл глаза окончательно.

— Тут всякие сложности, — сказал папа. — Мы сегодня приходим к тому месту, где живет знакомый дяди Сережи. Ну, тот, ради которого мы с тобой и поехали. И я должен у него остаться.

— А я?

— Ты, конечно, тоже можешь... Но помнишь, что Иван Михайлович вчера говорил — они пойдут еще на Ушканьи острова и к рыбакам зайдут, а потом еще кедровую шишку будут собирать... Понимаешь, если ты со мной останешься, то всего этого не заметишь.

— Пап, — сказал я, — брось ты этого медведя. Все равно ведь не укараулите. А так поплывем вместе, шишек в Ленинград привезем.

Папа был совсем зеленый.

вут на севере Байкала, они буряты охотники. Тетя Матрена — научный сотрудник. На корме катера стоит кривая железная стойка, с нее свисает вниз на блоке блестящая трубка с делениями. Мы иногда останавливаемся посреди Байкала и опускаем на полкилометра вниз эту трубку, а потом лебедкой вытягиваем обратно. Тетя Матрена сливает воду из трубки в баночку и ставит баночку в ящик с ячейками. И еще какую-то ампулку вынимает, и стеклышко, и отвинчивает снизу крышечку, и оттуда

— Нет, — сказал он. — Я остаюсь у старика — это дело решенное, а вот насчет тебя надо подумать. Они же через пять дней назад пойдут — и зайдут за мной... Да ты вот, оказываешься, и качку хорошо переносишь.

— Все равно, я с тобой хочу. Ну, не убьем медведя, какая разница. А мне с тобой надо. И мама говорила...

— Это ты брось, не глупи, — сказал папа. — Что же — ты все время за мои штаны держаться будешь? Радоваться бы должен, что я тебе самостоятельность даю. Мама бы никогда одного не отпустила.

— Это-то уж верно. Такой номер никогда бы при маме не прошел. А может, и правда отстать?

В кубрик постучали. Всунулась голова Гены.

— Завтракать, — сказал он и улыбнулся.

Тут только я понял, как хочу есть! Я вылетел из койки, а папа только глаза рукой закрыл.

— Пап, завтракать.

— Нет. Ты уж там за двоих.

Так я его и не уговорил.

В кают-компании уже сидели все: капитан, боцман, тетя Матрена и механик дядя Миша.

Сначала про тетю Матрену. У нее коричневое плоское лицо, она курит трубку и ходит в ватнике, как мужчина. Родственники у нее жи-

что-то достаёт. В общем, один раз опускаем, а потом тетя Матрена полтора часа сортирует. И так через каждые пятьдесят километров.

Я спросил ее, зачем это она делает. Она тогда трубку курила. Ждал, ждал — не отвечает. Думал, она забыла. А когда уже перестал ждать, тетя Матрена и говорит:

— Это делается для того, чтобы точно оценить работу очистительных сооружений целлюлозных комбинатов.

Я с тетей Матреной до тех пор не говорил и голоса ее не слышал, ну и думал, что она что-нибудь ответит, вроде Дерсу Узалы: «Твоя моя не понимаю». Я сказал потом об этом папе, а он мне и говорит:

— Да ты что, братец! Матрена Аслановна — кандидат, почти доктор. По ее методике многие наши не только озероведы, но и океанологи работают. И, кстати, катер делает свой рейс именно для ее научной работы. Так что ты, того, не показывай свою серость.

Еще в кают-компании был дядя Миша, механик. Он, как обычно, молчал. Я поздоровался, и все со мной тоже поздоровались.

Говорили, кажется, о том, как бы не делать один из замеров, который сейчас следовал для работы тети Матрены. Мол, уже задерживаем-

ся, и вот непогода идет, так, может, и не стоит ради одной точки уходить снова километров на сорок от берега? Полдня, мол, угробим. Говорил, в основном, боцман.

— Ну как, Мотя, убедил?

Тетя Матрена, как всегда, долго молчала. Я уже к этому привык.

— Отсутствие данной точки на графике может существенно ухудшить убедительность его, так как откроет возможность слишком произвольной корреляции, — произнесла наконец она.

— Постой, Мотя, — сказал Николай Никитич. — Ну, лад с ним, с этим графиком. На обратном пути зайдем, кинем пробник. А сейчас же нам надо обратно возвращаться.

Тетя Матрена молчала.

— Раз надо, значит, надо, — сказал капитан. — Все.

Он, по моему, тоже надеялся, что тетя Матрена согласится. Но то, что она не согласилась, ему нравилось еще больше. И мне, пожалуй, тоже.

Никитич теперь повернулся ко мне.

— А... — сказал он. — А мы с Дмитрием Александровичем еще сегодня не виделись!

— Я здоровался.

— Да, да, вспоминаю. Как спали, Дмитрий Александрович?

Как спал? Как всегда, так и сейчас.

— А где же папа ваш?

— Он не хочет есть, — сказал я.

— Не хочет? Ах ты господи... Уж не укачал ли его?

— Нет, — сказал я. — Он и дома так — день ест, день не ест.

Какао Гена налил мне в ту самую кружку. Доверху.

— Иван Михалыч, — сказал я, впервые назвав капитана прямо, — вот папа сегодня на берегу останется, у знакомого... А мне говорит, что бы я...

— О чем разговор! — сказал Гена, который как раз в это время принес еще чайник какао. — Ну, о чем тут говорить? Пойдешь с нами, омуля в Чивыркуе половим. Так ведь, Иван Михайлович?

— Дмитрий Александрович, да что вы! Самое интересное вперед! Три точки снимем, — Никитич глянул на тетю Матрену, — а потом двое суток — свободны. Остановимся, в лес пойдем — грибы, кедровые шишки...

— Нерпу посмотрим, — сказал капитан.

— Хочешь — дизель будем ремонтировать? — спросил молчун дядя Миша.

— Оставайся, — сказала тетя Матрена.

А катер все било, все качало. Я намазал кусок хлеба маслом для папы, на всякий случай, и пошел в наш кубрик.

Папа разбирал ружье... Не думал я все же, что он такой упорный. Ведь ясно, что не найдут они медведя.

— Ну как, Митя? — спросил он. — Что ты решил?

— Если ты не возражаешь, пап, я останусь.

— Вот и хорошо. А не знаешь, скоро ли под берег встанем?

— Наверно, скоро, — сказал я, хотя мы ради точки на графике тети Матрены шли в открытый Байкал. Нас все больше раскачивало.

— Матросу Белякову-младшему прибыть на рулевую вахту! — приказал динамик.

— Папа, ты прости, — сказал я. — Я бы с тобой посидел...

Он улыбнулся. Его, наверно, тошнило.

ДЫРОЧКА В СТЕКЛЕ

Я надел куртку и выскочил на палубу. Ну и волна была! Меня так и зашвыряло. Могло, конечно, и вообще вышвырнуть, и никто бы не заметил. Я вцепился в поручни что было сил.

Сзади нас, вдоль берега, от которого мы еще не так далеко отошли, шпарила с задраным вверх носом черная рыбацкая лодка. Она торчала из воды, наверно, на две трети или даже больше — только корма и касалась воды. Корма была вся в белой пене и, придавливая ее вниз, у подвесного мотора сидели два дядьки, покрытые черной клеенкой. Лодка прыгала с волны на волну.

— Ого, — сказали за моей спиной. Это был механик. — Куда-то очень торопятся, если в такую погоду...

— Опасно? — спросил я.

— А то нет... Сарма.

Сарма — это такой ветер, я про него читал.

Он сносит в воду овец. Дует с берега. Нам он был попутный.

— Мотор у них — чихни! — сказал дядя Миша, глядя вслед лодке, — и... до свиданья.

Лодка шла, зарываясь, и белый хвост от нее скакал по волнам...

Эту вахту мы стояли так — я животом висел на штурвале, а если мне не удавалось его повернуть, Иван Михайлович протягивал руку и помогал. Потом волны стали еще выше, катер начало качать длинно и продольно — с кормы на нос, а не с борта на борт, как раньше, и мне казалось, что что-то внутри меня переливается от ног к голове, как чернила в авторучке.

— Держись! — спросил Иван Михайлович.

— Нет, — сказал я и не услышал собственного голоса. Я и правда уже не понимал, где

это мы. Голова летела куда-то отдельно, ноги отдельно, я весь был липкий от пота, к горлу подкатывало. Я отпустил штурвал и сел на ящик. Стало еще хуже.

— Да... Дела... — сказал Иван Михайлович. — Разве настоящие моряки руль бросают?

Он сам теперь стоял за штурвалом. Потом появился Гена, взял меня за плечи и вывел из рубки. От ветра и брызг я немного пришел в себя. Но к рулю больше не пошел — стыдно. То сидел внизу у Гены, то вылезал наверх, когда становилось особенно плохо.

Мы все плыли и плыли, потом остановились прямо среди волн, тетя Матрена бросила с кормы свои пробники, а потом мы снова плыли...

Часа в четыре мы вернулись к берегу и подошли к тому месту, где жил старик. Качать почти перестало. А все равно еще мутило.

— Пап, слабость какая-то...

— Будь мужчиной.

Он сам еще стоял. Вовсю бодрился.

Еще издали мы увидели на берегу две фигурки. Катер подходил к ним все ближе, и мне стало казаться, что одного из этих людей я знаю.

— Пап, — сказал я, — тебе не кажется кое-что?

— Кажется, — сказал он.

Нас встречал старик охотник и... дядя Сережа. Это он, оказывается, был одним из тех, кто сегодня прорывался на лодке сквозь сарму. От ветра и брызг лицо его еще и сейчас было как свекла.

— Ну что? — спросил папа. — Не выдержал, привалил?

— Да вот так.

— Ты ж рассчитал, что не успеешь?

— Всегда куда-нибудь не успеаешь. А ты что — хотел бы один охотиться?

И я вдруг отчетливо себе представил, как по лесу идет, пробирается медведь, и глаза дяди Сережи над ружейным дулом.

— Пакет вам с большой земли, — сказал дядя Сережа и протянул нам с папой конверт. В конверте было три письма — папе, мне и обоим. В том, которое было нам обоим, мама писала, что папа должен следить, сухие ли у меня ноги, и не отпускать одного на берег, а кроме того, кормить четыре раза в день и не всухомятку. И еще класть днем спать. Когда мама писала папе, она всегда делала сокращения: «м. б.» — «может быть», «т. ч.» — «так что», а в конце письма «ц» — хвостик. Целует, мол, но вообще-то догадайся сам. Письмо мне было написано разборчивей, и буквы покрупнее. А так — то же самое, что и в общем письме. Как папа говорит — «теория относительности для ПТУ». Еще мама писала, что шестой класс очень важный и что звонила Нина. Передавать ничего не просила. Слово

«целую» мама написала мне разборчиво и целиком. Серьезно так. А ниже было приписано другими чернилами — «приезжайте скорей. Скучаю» и «Ц» с хвостиком. Как папе.

Катер уходил от берега, а на берегу уже стояли три фигурки. Нас снова качало, а знаете, как это, когда целый день качает? Да еще Иван Михайлович в рубку больше не звал — к чему ему рулевой, который штурвал бросает? Зачем ему такой? Я маялся, бродил по катеру, не знал, куда себя деть. И папа вот остался. Гена за мной пришел и повел к себе в кают-компанию.

— Что, — говорит, — тебе там одному, в своем кубрике... А утром вместе встанем... Давай здесь спать.

В кают-компанию уже было постелено на рундуке... Черная вода взлетала к черному иллюминатору, катер поскрипывал, дизель стучал. Я бухнулся на постель не раздеваясь.

— Еще чего? — сказал Гена и сдернул с меня куртку. И рубаху. И штаны...

Снов я не видел. А утром меня разбудил ди-намик:

— Матросу Белякову — на вахту!

Ну и обрадовался же я! И Гена тоже вместе со мной, за меня то есть.

— Вот видишь, — говорит, — все и обошлось.

Солнце только-только вставало. На Байкале было спокойно, шла маленькая зыбь, катер от нее не качался, а лишь немного дрожал.

Я встал на руль, простоял минут, наверно, десять, разговор с Иваном Михайловичем еще не налачился, и тут вдруг он попросил дать ему бинокль, который я уже по привычке навесил на себя. Иван Михайлович стал всматриваться в ту сторону, куда мы шли. Прямо застыл. Сквозь стекло в рубке плохо было видно, так он даже на палубу вышел. Потом шагнул в рубку и сказал:

— Держи вон на ту скалу. Браконьеры.

Скала торчала из воды недалеко от берега. И еще там были скалы, целая семейка. Скал, Скалхих и Скалених.

— За нерпой пришли, — сказал Иван Михайлович. — Хочешь посмотреть?

Даже в бинокль браконьеров я не увидел. Только за одной из скал прятался нос лодки, но пока я его рассматривал, он уполз за камни. На воде кое-где виднелись черные точки.

— Нерпа, — сказал Иван Михайлович. — Любимое ее место.

— Что же мы будем делать?

— Что? Брать их надо... Арестовывать.

— А как же вы их арестуете?

Мы шли к камням. Без бинокля еще пока видно было плохо.

Даже непонятно, откуда на катере сразу все поняли, что Иван Михайлович собирается делать. В рубку вдруг вошла тетя Матрена, на носу, вглядываясь, уже стоял Гена, привалился к поручням Никитич, даже дядя Миша вглядывал из своего машинного. Мы подходили к камням все ближе.

Лодка пряталась. Но мы все шли, прямо на скалу, за которой она остановилась.

Никитич всунулся в рубку.

— Вплотную-то подходить не вздумай, — сказал он.

Камни были метрах в ста.

— У них на винтовках оптика наварена, — сказал Никитич.

— Заслабило?

Никитич только что-то проворчал.

— Стоп машина! — сказал Иван Михайлович. Он взял жестяной рупор и вышел на нос. Дизеля было почти не слышно, урчал тихо-нечко. Скалы стояли совсем рядом, и нерпа всплывала вдали, видно, мы ее отогнали от скал. Иван Михайлович поднял рупор.

— Немедленно выйти из укрытия! — крикнул он. — И предъявить документы!

Он только договорить успел, как раздался выстрел. Звякнул рупор. Передо мной в стекле рубки оказалась круглая дырочка, а сзади над плечом дырка в дверце шкафчика.

— Вниз! — крикнул Иван Михайлович. — Всем вниз!

Он уже стоял у штурвала.

— Полный вперед!

Дизель загрохотал.

— Миша, — сказал Иван Михайлович, — да что ты там чухаешься?

Но катер уже на полном ходу шел в обход скалы.

— Всем вниз!

— Иван Михалыч... — сказал я. — Можно...

— Вниз! Геннадий, ружье сюда!

Как удирали браконьеры, я видел в иллюминатор. Они вылетели из-за скалы на плоской и длинной алюминиевой лодке, выкрашенной в цвет воды. Их было двое — оба в брезентовых плащах с капюшонами, надвинутыми на лица. Иван Михайлович разворачивался им вдогонку. Один из браконьеров держал в руке винтовку.

Расстояние между нами стало быстро увеличиваться. Я снова пробрался в рубку. Иван Михайлович левой рукой держал штурвал, а правой стучал ключом рации. На голове у него была дуга с наушниками.

Я взял у него руль. Он улыбнулся. Браконьеры уходили.

— Кому это вы передаете? — спросил я.

— Рыбнадзору. Чтобы выслали вертолет...

День спокойно, день — шторм. На следующий день мы опять попали в ветер и нас за-

болтало. И опять я стоял на руле, и опять началась эта дурацкая качка с носа на корму и с кормы на нос. Вниз-вниз-вниз. Опять вниз... И опять.

«Ни за что не отпущу штурвала, — думал я. — Вот умру. Сознание потеряю. А не отпущу...»

Вывало меня прямо на штурвал. И было уже все равно — куда.

Иван Михайлович повернул ко мне голову. Он не смеялся.

— Вот так, малыш, — сказал он серьезно и взял меня за ухо — за то самое. И потянул немного. Видно, привычка у него такая была.

Иван Михайлович нажал кнопку. В рубку всунулся Гена.

— Ведро воды и тряпку, Генаша, — сказал Иван Михайлович.

И Гена тоже не засмеялся, а запустил мне пятерню в волосы и подергал. И пошел за ведром.

Я стоял у штурвала.

За два с половиной часа вахты, что мне осталось, я еще раза три умирал, но так и не умер, и не отпустил штурвала, и больше уже ведра и тряпки мне не требовалось.

И если уже по-настоящему — так вот тут я пожалел, что меня никто из наших ребят не видит. Андрюшка, скажем, или Женька или Валерка Нифонтов. Или Томашевская. Только хорошо, что мама не видела, зеркальце тут было в рубке: я заглядывал — зеленый я был, будто из болота.

В лес тетя Матрена никого, кроме меня, не взяла.

Хотел увязаться Никитич. Гена сказал, что мало ли в лесу что может случиться. Даже Иван Михайлович был не прочь. Но тетя Матрена ни с кем разговаривать не стала. И никого не взяла, только меня.

Я не понимал — куда она меня все-таки ведет. Когда мы уходили, Гена повесил на меня пустой рюкзац и подмигнул.

— Не теряйся, — говорит.

...Лес сначала шел редковатый, потом вдруг нагнулась страшная чаща, я никогда такой не видел — мы только и лезли через упавшие лиственницы, загораживавшие нам путь. Тропинки никакой не было. В самой глухой чаще тетя Матрена вдруг взяла меня за руку и, приложив палец к губам, спряталась под густую ель. И мне указала сесть рядом.

Я спрятался. Так мы и сидели несколько минут. А потом мимо нас, крадучись и продираясь сквозь ветки, прошел Никитич.

Мы подождали, а потом вылезли из-под дерева и дали по лесу крюка, оставив Никитича искать след. Тетя Матрена почти все время молчала. Она даже как будто не удивилась, что Никитич за нами следит.

Мы шли сначала лесом между двумя гора-

ми, потом вдруг лес кончился, и дальше была равнина, голая, как стол, серо-зеленая, а вдаль снова синел лес. Я не думал, что это так далеко.

Прошли мы, значит, равнину и снова вошли в лес.

Этот лес был странный какой-то — будто деревья понатыкали в каменоломне. Не мог я понять, как тут деревья растут — корнями ведь влагу надо из земли сосать и все такое, а здесь какая влага — один камень. Но чаща тоже была непролазная. Через дерево упавшее перелезешь, дальше камень лежит; камень обойдешь — снова через дерево перелезай.

Шли, шли. Лезли, лезли. Перелезали, перелезали.

— Вот, — говорит тетя Матрена. — Смотри. О том, что эта избушка есть и где она находится, может, всего десять человек и знает. А может, уже и пять...

Смотрю — и правда избушка. Старенькая такая, черенккая, окошко забитое. Никто не живет. И стоит она между лиственницами так, что за сорок шагов не увидишь — здорово спрятана. Крышу ветки закрывают, стены — кусты.

— Входи за мной, — говорит тетя Матрена. — Осторожно, смотри, не оступись — тут порог.

Вот знаю, что не поверят, а для чего-то рассказываю... Может, теперь я единственный из мальчишек, кто такое видел.

В избушке стояли сундуки и лежали кучи всякого добра. Поблескивали.

— Погоди, — сказала тетя Матрена. — Посмотрим, нет ли змей.

Я, конечно, вспомнил Маугли и белую кобру с выломанными зубами. Тетя Матрена светила фонариком по углам. Змей не было.

— Ну, давай смотреть, — сказала тетя Матрена.

— А это что такое вообще? — спросил я. — Это наши монахи сюда принесли. Давно. С тех пор и лежит.

Вокруг сундуков валялись бронзовые фигурки, какие-то чайники узорные, подносы. Все с узорами. А больше всего изображений толстяка с голым животом и подвернутыми под себя ногами. На голове у толстяка была высокая шапка.

— А для чего это все тут лежит? — спросил я. — В музее же надо.

В сундуках были книги. Старинные, в кожаных толстых обложках. И в деревянных тоже. Тетя Матрена вынимала книги, листала, я ей светил. Лицо у тети Матрены было древнее, темное.

— Вы умеете их читать?

— Нет, — сказала она. — Не умею... Пожалуй, ты прав насчет музея.

Так мы и бродили по избушке. Звякали бронзовыми фигурками, крышки открывали.

— Домой хочешь подарки отвезти?
— Конечно, хочу. Маме.
— Погоди, — сказала тетя Матрена. — Маме, говоришь?

Она взяла от меня фонарик и залезла в один из сундуков. Покопалась в нем, нагнувшись, и вынула тускло поблескивающего человечка.

— Серебряный, — сказала она.

Вторым у меня на очереди был дядя Тигран.

— А кто он? — спросила тетя Матрена.

и оскаленные головы их торчали. А в зубах у них были шарики. Шарики свободно катились за зубами дракончиков, но не выпадали.

— А что это? — спросил я.

— Это прибор для определения эпицентра землетрясения. Надо установить на ровном месте, на жесткой подставке. И всем шарики в зубы. Как тряхнет — так у кого-то из драконов шарик из зубов и выпадет. Значит, землетрясение в той стороне.

А и правда, кто он у нас? Ведь не скажешь же просто: учитель. Учителей много, а дядя Тигран — это дядя Тигран.

— Ну, как бы это... — сказал я. — Он взрывать умеет, у него мотоцикл из Африки. Градусники собирает. Шампуры из титана сделал...

Рылась тетя Матрена долго. Звенела чем-то.

— На, — говорит. — Только тут не все шарики целы.

Дала она мне какую-то большую плошку, коричневую, тяжелую, думал: из камня или из кости, а оказалась из тяжеленного дерева. Плошка была с резными драконами, их было шесть, они подпирали плошку со всех сторон,

— Здорово! — сказал я. — Это уже точно для дяди Тиграна. А шарики-то он выточит.

— Ты скажи ему, чтобы обязательно деревянные. Иначе действовать не будет.

Я не стал ей говорить, что дядя Тигран сам кому угодно что угодно объяснит. Правда, в Ленинграде долго ждать, пока шарики из драконов повалятся.

— Ну, еще кому?

Я подумал о Томашевской.

— Теть Матрена, можно еще этого?

Я взял самого маленького толстячка, он в кулаке у меня помещался.

— Бери. Еще кому нужно?

— Папе.

— Нет, — вдруг резко сказала тетя Матрена. — Папе твоему не дам. Он медведей прие-хал бить.

— Он ведь по разрешению...

— Не дам.

Хорошо еще, что я не сказал ей про дядю Тиграна. Это ведь он дяде Сереже и папе лил пули.

— А себе? — спросила тетя Матрена.

Я вообще-то ждал, что она так спросит.

И тогда я взял этот меч. То есть это был не то чтобы меч, но и не кинжал — тесачина та-кой громадный, тупой и тоже из бронзы, и ко-нечно, резать или рубить им и раньше было нельзя — весь в узорах и письменах, и колеч-ки были для пристегивания, а ножен не было.

— Это ритуальный меч, — сказала тетя Ма-трена. — Не знаю только, для чего.

Жалко, вообще-то, было уходить. И поло-вины не посмотрели.

Когда мы отошли шагов на пятьдесят от из-бушки, я оглянулся. Избушки не было. Скры-лась, как в сказке.

— Вы вроде хранильницы, тетя Матре-на, — сказал я.

Она не ответила. Вообще всю обратную до-рогу молчала. То ли обиделась на что-то, то ли вспоминала. Я заглянул ей несколько раз в лицо, но ничего не мог на нем прочитать.

А потом мы вышли на край леса, перед нами была пологая, уходящая к другому, прибреж-ному лесу равнина, тетя Матрена села на ка-мень, я снял с себя звякающий рюкзак. И гля-дя на равнину, тетя Матрена стала набивать свою трубку.

Солнце садилось.

ДОМОЙ

В этот день мы повернули назад.

— Да, брат, скоро расставаться, — сказал Иван Михайлович.

А я уже был в рубке своим. Даже бинокль на шею не вешал. Брал со столика, если надо куда глянуть. И дырочку от пули мы с Иваном Михайловичем бумажкой заклеили — на ходу из нее дуло. Непривычно.

— Да, — сказал Иван Михайлович. — Вот и отплавались...

Жаль мне его стало. Сильный и все такое, но ноги у него плохие, вон в валенках теперь стоит на вахте. Что бы ему подарить?

— А зверье ты любишь, — сказал он. — Это от кого у тебя? Не от отца ведь?

— От мамы, — сказал я. — Она у нас глав-ный лекарь. И еще от... — Я споткнулся. — От Томашевской. Есть такая.

— Жаль, их не знаю, — сказал Иван Ми-хайлович. — Те, кто зверье любят... Они...

Так и не сказал.

— Да вы знакомы, — сказал я. — С Тома-шевской-то.

— Кто? Я?

— Вы.

В рубке темновато было.

— Не припомню, — напряженно сказал Иван Михайлович.

— Ну как же...

— Да нет, не знаю.

— Вы еще ее за ухо оттащали...

— Когда?!

— А вы и не помните?

— Не помню.

— Вы шли по берегу... Ну, около Петерго-фа.

— Так, так... — озадаченно сказал Иван Михайлович.

— Ну, вот. А мы, Томашевская то есть...

— Так, так...

— Ну, курила. Дым пускала...

Ничего он не помнил. Совсем ничего. Я ему рассказывал, а он смотрел на меня и лоб че-сал, будто я ему его сон рассказываю.

— Вот ведь как, — сказал он смущенно. — Да... Обижаешься?

Я-то? Да уже давно все простил. Теперь мне казалось, что никогда я на него и не злил-ся.

— Знаешь, — сказал он. — Я когда по бе-регу шел — вспоминал. Мои там лежат. Де-сантники-байкальцы. Да... Вот, значит, как. А ты, значит, все об этом думаешь. Стоишь тут рядом и думаешь... Нехорошо вышло. Драть-то вас, конечно, надо. Но как же я-то?.. До синя-ков, говоришь?

— До синяков, — с удовольствием сказал я.

— Дела. Что, прямо так — по задку?

— Да еще как!

— И девочку?

— Сильней, чем меня!

— Ох! — сказал он. — Послать надо чего-нибудь ей. Как ты думаешь? Что она любит-то?

— Собак, — сказал я.

— Собак?

И замолчал. Только мне видно было, что ду-мает.

— А если лаечку?

— Большую?

— Пять месяцев.

— Блеск, — сказал я.

— Знаешь, какая собака... Легонькая, шея дугой. Не то собачка, не то лошадка. Город-ская какая-то. И умница. Все мордочку набок клонит, будто соглашается. Может, возьмешь?

— Как ее зовут? — спросил я.
— Да вот никак и не окрестим.
— А в самолет с собаками пускают? — спросил я.

Я стоял последнюю вахту.

Тихо было. Штиль. Какое все-таки озернище! Две недели ходим, а берега все новые. Или, может, мы их проходили ночью, когда я спал?

Появился хребет Хамар-Дабан, висит слева над водой розовыми облаками.

Гена принес компоту прямо на вахту. Поставил передо мной кастрюлю. Пей, мол.

Дядя Миша снизу спросил по переговорной трубе, не прибавить ли оборотов.

— Конечно, прибавить! — сказал я. — Полный вперед!

Вода зашипела, как пошли...

Иван Михайлович что-то молчаливый. Придет в рубку, встанет за моей спиной, руку мне на плечо положит. А с другой стороны уже теть Матрена стоит. Так и плывем.

Я у Ивана Михайловича спрашиваю:
— А ваши дети отдадут лаечку-то?
— Отдадут, — говорит. И ушел сразу же.
Теть Матрена мне и говорит:
— Ты у него не спрашивай больше.
— А почему?
— Да так. Нет у него детей. А он — видишь, как к тебе привязался.

К тому старику, где остались папа и дядя Сережа, мы пришли ночью. Будить папа меня не стал, а видно, проговорил всю ночь с Иваном Михайловичем. Утром просыпаюсь, а он в ногах у меня сидит, мне в лицо смотрит.

— Папка, — говорю, — а мы тут за браконьерами гонялись...

— Знаю, — говорит и странно при этом на меня смотрит. Насквозь как-то. — Знаю...

Да как обнимет меня... Раньше-то не очень обнимался — скажет что-нибудь такое, и смотрим друг на друга, усмехаемся. Он — оттого, что придумал, я — оттого, что понял.

А сейчас смотрел, смотрел, да как обнимет...

— Пап, — говорю. — Я тебе сейчас все расскажу... А где дядя Сережа?

— Да он там на палубе со шкурой возится.

— С какой шкурой?

— С медвежьей.

Мы летим в самолете. На коленях у меня маленькая лаечка. Ушки у нее еще не очень стоят.

В багаже у нас громадный, обшитый мешковиной, тюк. Когда лаечка его понюхала, она завывала и стала около него носиться — еле ее оттащил. И сейчас она поводит носом в сторону дяди Сережи и папы и всхлипывает.

В багаже у нас сырая медвежья шкура. Ее отдадут выделывать дяде Тиграну.

У нас с папой опять какие-то новые отношения, пока что не разобрать какие. Он обросший. И спит. Но есть что-то в нем новое, хоть и спит. Дядя Сережа тоже спит.

А я сижу, почесываю лаечку, думаю.

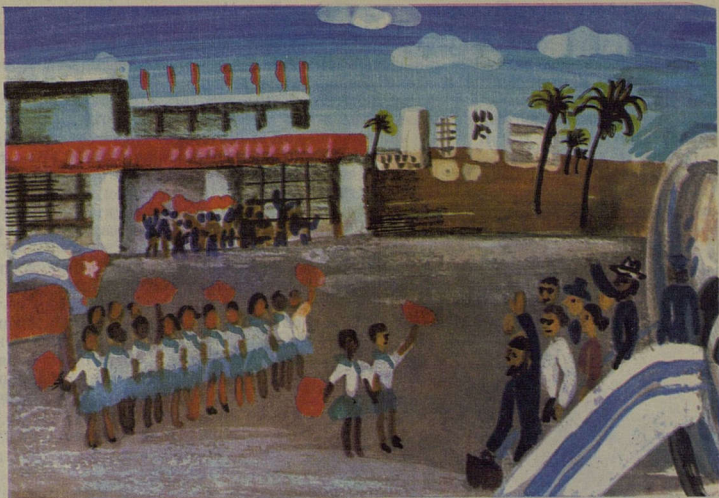
Мама там в Ленинграде уже, наверно, поставила будильник, чтобы нас встретить. Поскорей бы!

И еще — Томашевская говорила, что они переезжают. Если уже переехали и ее долго придется искать, лаечку придется оставить нам. У собак порок сердца бывает от смены хозяев — а вон она как ко мне уже привязалась, так и прилаживается...

Конец

КУБА, ЦВЕТНЫЕ ФОТОГРАФИИ

Валентина
Бианки

Рисунки
К. Преторо

У меня спросили:

— Хотите поехать в командировку на Кубу?

Станный вопрос. Как можно не захотеть поехать в путешествие — да еще на Кубу?

И вот я собираюсь. Легкая одежда — на Кубе ведь очень жарко, сувениры, значки, деревянные и глиняные игрушки. Потом красные галстуки, пластинки с пионерскими песнями. Поверх всего в чемодан ложатся чистые блокноты и несколько шариковых ручек. Блокноты перенумерованы, ручки проверены: по опыту знаю, что без ручек и блокнота журналист в поездке безоружен. Конечно, главное всегда само запомнится, а вот «детали» — какой формы листья у королевской пальмы или как выглядит комната в доме, куда тебя пригласили в гости, — разве все упомянешь? А между тем, когда сядишься писать, все эти детали очень нужны.

Вы можете сказать: а фотоаппарат? Разве он не заменит

блокнота? Фотокорреспонденту — не заменит: его оружие — камера, ему без нее никак нельзя. И читателю хорошо: посмотришь на снимок, особенно если он цветной, и все сразу встанет перед тобой как живое. Что ж, может быть. Но я не беру с собой в поездку фотоаппарата. Снимать умею, а не беру. Мне кажется, что человек с фотоаппаратом как-то выделяется среди других, люди смотрят на него и, может быть, говорят себе: это — турист. Ходит, рассматривает все... Или: глядите, газетчик, сейчас начнет вопросы задавать. Ну, а в гостях? Не очень-то вежливо прийти в дом и начать всюду щелкать затвором — и в столовой, и в кухне, и в ванной. Может быть, никто не возразит, но непринужденной, дружеской атмосферы ни в коем случае не получится. А ведь нужно, чтобы такая атмосфера создалась с первых минут знакомства — времени-то у журналиста почти всегда мало.

Вот почему я не беру аппаратов с собой в поездки.

Мне довелось путешествовать и по нашей стране, и за рубежом. Скажу сразу: я считаю Кубу одной из красивейших и самых интересных стран мира. Было бы очень хорошо, конечно, если бы передо мной лежала сейчас стопка цветных фотоснимков. Их можно было бы рассматривать, и друзьям показать, и в «Костре» напечатать с подписями... Но у меня другое богатство — стопка блокнотов. Мне кажется, что они вполне могут заменить слайды. Когда слайды показывают друзьям, то всегда сопровождают рассказами, объяснениями, на обороте делают надписи.

Вот и мы будем так делать.

Воздушная гавань Гаваны

Перед нами гигантский прямоугольник аэродрома, перерезанный серыми взлетно-поса-

дочными полосами. Бетонные полосы кажутся особенно серыми оттого, что все вокруг необычайно яркое. Когда хотят подчеркнуть, что море или небо ярко-голубое, говорят: «оно цвета синьки». Какая там синька! Представь самое синее, что можешь себе представить, и сделай еще во много раз синее. Тогда получишь представление о небе над Гаваной. Кстати, океан такой же. Еще несколько минут назад, перед тем как приземлиться, мы видели гладь Атлантики, столь же яркую, как небо. Впрочем, нет, не гладь — сверху синева казалась неровной, точно небрежно брошенная на стол скатерть. Это были океанские валы.

Мы стоим у трапа. Сверху нам хорошо видна окраина Гаваны: красная-красная земля (в кубинской земле много железа, оттого она такая красная). На этой красной земле тут и там рошицами разбросаны пальмы. Их называют королевскими. И не зря. У них необычайно благородная осанка (если можно так сказать о дереве) и крупные, изысканно вырезанные зеленые листья. Они растут только на верхушке ровного гладкого ствола...

Таков наш первый снимок: синее-пресинее небо, красная-прекрасная земля, зеленые-презеленые пальмы. Все ослепительно яркое, все сверкает. Мы надеваем темные очки.

А это кто? У трапа — группа мальчишек и девчонок. Все одеты одинаково. Синие шортики и юбочки, светлые рубаш-

ки. Ближе других к трапу пробежали двое: мальчик испанец, оливковый от загара, и девочка негритянка с шапкой мелко-курчавых волос и очень красными губами. На обоих — синие-белые галстуки. Они взялись за руки и стоят так — ожидая, наверное, пока подойдут остальные ребята.

А надо всем этим — над красной землей, над крылатыми «Ту» и «Ил-ами», над группой встречающих с огромными плоскими букетами красных роз в руках — гигантский транспарант, окаймляющий аэродром. На нем испанские слова: ГАВАНА, КУБА, ПЕРВАЯ СВОБОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ АМЕРИКИ. И два восклицательных знака: в начале и в конце фразы. Так полагается по правилам испанской грамматики.

Надпись на обороте:
1972, 17 декабря. +28°C.

Жарко. Влажно, будто в парилке русской бани.

Варежки в тропиках

Если спустить этот город сверху, с птичьего полета, пожалуй, домов не увидишь, так густо они укрыты зеленью. А мы стоим у одного из домиков на дорожке парка. К самым стенам подступают пальмы, с них свисают желтые гроздья кокосов. Акация из привычного нам маленького дерева превратилась здесь в могучее дерево, а ее стручки — в изогнутые саблевидные чудища с гремющими внутри семенами. Вот миндальное дерево. Вот апельсиновое. Вот лимонное. Вот лавр!

В зелени прячутся домики. Не такие уж они маленькие вблизи! На их окнах — жалюзи, чтоб не проникало солнце, пусть воздух, циркулируя внутри комнат, создает легкий сквознячок. Через открытую дверь видно, что в вестибюле мраморный пол — так прохладней. На стенах — картины. Вверх ведет винтовая лестница. Что это, санаторий? Нет,

это школьный городок на окраине Гаваны. Но он и в самом деле похож на самый лучший санаторий, так уютно здесь, так отлично все сделано, так все блестя.

Здесь, в городке, учится сейчас около шести тысяч кубинских ребят. А ведь все это построено на месте бывших казарм, где размещались раньше воинские части бывшего правителя Кубы — диктатора Батисты. Батисты кровавого. Он в годы своего правления запирал красавицу страну американцам. Впрочем, не американцам, а «североамериканцам», как говорят кубинцы — «норт-американос». Ведь Куба — тоже Америка, и жители Острова Свободы не желают, чтобы Соединенные Штаты присвоили имя всего американского континента.

На территории, которую мы с вами видим сейчас, укрывались последние верные Батисте солдаты. Революционные части штурмом взяли казармы, разрушили их, а потом воздвигли тут великолепный школьный город. На Кубе, как и в Советском Союзе, в жизнь активно воплощается лозунг: «Все лучшее — детям!» И хоть нелегко живется сейчас на острове, блокированном Штатами, революция строит много школ, и все эти школы похожи на санатории.

В домике, около которого мы стоим, учится шестой класс. Только что закончилась перемена, и ребята, выстроившись у дверей, салютуют нам. Все они — пионеры, члены Союза пионеров Кубы. У всех синие-белые пионерские галстуки и на рукаве рубашки — эмблема организации: красный треугольник с белой пятиконечной звездой в центре; вверх, как бы из чаши, три языка пламени, а внизу лента с пионерским девизом: «Будем, как Че!»

Потом нам много будет рассказывать о Че — Эрнесто Че Геваре. Расскажут, что это революционер, народный герой

Кубы, прошедший вместе с Фиделем Кастро трудный и долгий путь борьбы за свободу. Нам рассказали, что отважный Гевара погиб в Боливии, сражаясь в рядах боливийских партизан-повстанцев, а имя его окружено бесконечным уважением народа. Поэтому и ребята-пионеры хотят быть такими, как Че.

Эх, жалко, фотография, не говорящая! Видите, какой четкий строй замер перед коттеджем? Вожатый (по-испански «гия») восклицает: «Пионеры, за коммунизм!» А ребята звонко: «Будем, как Че!»

Вон там, справа, стоит девочка. Она как-то странно одета — смотрите, смотрите! Жаррица, а у нее на ногах теплые сапожки, а на руках... варежки! Толстой вязки синие варежки с красной каемочкой. Варежки! В тропиках! Ну и ну...

Надпись на обороте. Девочка в рукавичках родилась в Москве, там училась ее папа. Варежки и сапожки она хранит как память о России. А сегодня, несмотря на жару, надела их в нашу честь. «Ей это очень приятно, она целый день вас ждет», — так сказал гия.

Интернационал в классе

Класс в сельской школе. Парты — не парты, а как бы двбоенные стульчики. С правой стороны у каждого стульчика широкая доска. Мальчики и девочки положили на эти доски тетради и пишут.

Сидят они тихо-тихо. У них тихо даже на переменах, когда учитель ведет весь класс на спортплощадку и организует игры.

Над тетрадками склонились головы. Какие они разные! У девочки негритянки волосы выточены мелко-мелко и даже на вид жесткие, точно из проволочек. Рядом сидит мальчишка испанец с гладкими, блестящими, зачесанными назад волосами. Девочка — черная, мальчик — оливково-смуглый. Ку-

ба многонациональна, но расового неравенства нет и в помине, хотя расистская Северная Америка, можно сказать, в двух шагах — всего в девяносто километрах. Что люди разных рас на Острове Свободы крепко дружат, видно по ребятам. Никого не интересует, какого цвета у товарища кожа.

За первой «партой» сидит санитар. Это немаловажная фигура в кубинском пионерском отряде. Его сразу узнаешь по красному кресту на рукаве, у него есть парусиновая сумка с необходимыми лекарствами (конечно, самыми простыми), он должен уметь оказать первую помощь товарищу, если тот поранился или, например, получил солнечный удар.

Вообще-то о санитаре мы говорили не зря. Он входит в состав тройки, которая есть в каждом отряде. Вон, видите, наискосок сидит парнишка с круглой эмблемой на рубашке: перышко и буквы UPC (Союз пионеров Кубы)? Он — детский корреспондент. Выпускает газету в классе, помогает товарищам писать, участвует в школьной газете. Есть еще командир отряда. У него эмблемы не видно, наверное, потому, что и так все знают, что он командир. Вот сейчас урок кончился, командир поведет нас, как обещал, показывать свою школу. А пока мы тихонько сидим на задних стульях и просто смотрим, как маленькие кубинцы учатся. У них сейчас

контрольная по арифметике. На верху каждого листка с решением дата и слова: «Год производительности труда». Каждый год на Кубе имеет свое название.

Надпись на обороте. Маленькое отступление. Однажды корреспондент ленинградской газеты «Ленинские искры» пошел в класс с таким заданием: не пожалеть пленки и снять весь ход урока. Редакция хотела проверить, не теряют ли ребята времени зря.

Когда фотокорреспондент проявил пленку, то неожиданно для самого себя увидел... что ребята передают шпаргалку! Еще в Москве мне сказали, что кубинские школьники не списывают. Не списывают, мол, и все. Просто нет такой привычки. Конечно, спрашивать об этом мне было неудобно, однако нигде-нигде, ни в этой школе, ни в какой-либо другой мне не пришлось заметить, что кто-нибудь хоть краешком глаза заглянул в тетрадь к соседу.

Три значка и звездочка

Что это — суббоник? Но сегодня не суббота, обычный учебный день. А картина такая: вот та группа (звено, наверное) садовую дорожку убирает, видно, что старается. Ни соринки. Ребята постарше на пришкольном участке собирают и укладывают в корзины какие-то круглые плоды, похожие на апельсины, только гораздо больше и зеленей. Кажется, это грейпфруты. Те, кто убирает дорожку, совсем маленькие, лет им по шесть, наверное, а все равно на каждом — сине-белый пионерский галстук. Неужели и таких малышей принимают в пионеры?

Впрочем, и спрашивать не надо, можно просто прочитать, что написано на куске картона, который висит у входа в школу:

Членом Союза пионеров Кубы может быть каждый мальчик или девочка от 5 до 14 лет — тот, кто хорошо учится,

хорошо себя зарекомендовал и кому разрешают родители.

Это — выписка из устава Союза пионеров Кубы.

Тут же, рядом с выпiskой, висит график посещаемости (синяя линия — учителя, красная — ученики) и страница из журнала «Пионеры». Там нарисованы рядом три значка и пятиконечная звезда. Подпись — по-испански. Это условие соревнования, которое так и называется: «Три значка и звездочка». Усердно помогать взрослым, сознательно относиться к учебе, быть активным. Тот, кто выполняет условия, получает значок. Но важно, чтобы все ребята отряда имели такой значок. Помогите им! Если же в классе все заслужили по три значка да еще звездочку, тогда...

Бородачи

Ослепительно солнечный день. Проселочная дорога в провинции Лас-Вильяс. От столицы далеко, это как «глубинка». По дороге идет колонна запятых «бойцов». Они в серой военной форме. В руках у них автоматы и пневматические винтовки, за плечами — вещевые мешки. Многие бородаты.

Наш «кадиллак» — синяя сигарообразная машина, на которой мы ездим по Кубе, — остановился на обочине.

Там, за обочиной, поля. Ананасы растут на грядках. Честное слово, они похожи на капусту! Чуть дальше — плантация сахарного тростника: на фотографии будто заросли камыша где-нибудь на Оке. Маленькие белые цапли стоят рядом с черными волами, и рога у волов — наподобие серпа.

Впереди колонны бойцов колыхнутся два знамени. Их несут не так, как мы привыкли видеть. При каждом — по два знаменосца, держащие полотнища горизонтально, за оба конца древка. На знаменах буквы: UPC — Союз пионеров Кубы.

Можно сосчитать отряды, на которые разбита колонна: раз,

два... шесть. Шесть отрядов — шесть провинций Острова Свободы: Гаванская, Орьенте, Лас-Вильяс, Матанзас, Камагуэй, Пинар дель Рио. Отовсюду прибыли бойцы. И еще есть седьмой отряд — с острова Пинос. Это самостоятельная административная единица. Раньше ее называли Островом сокровищ (некогда, говорят, здесь прятали награбленную добычу пираты Карибского моря), а сейчас называют Островом молодежи, потому что юноши и девушки Кубы решили превратить пустынный болотистый остров в цветущий сад.

Лица бойцов опалены беспощадным солнцем. Самым старшим — не больше девятнадцати. Они — в большом походе. Идут путем повстанцев, тем самым путем, которым повстанческая «колонна номер 8» (во главе ее был Гевара) шла, чтобы вышибить из столицы ненавистного Батисту. И все у ребят не понарошку, а по-настоящему: и оружие, и боевая выкладка, и санитарные сумки у девочек, и скатки через плечо. Разве вот бороды, которые обрамляют многие лица... так и хочется сказать — «из мочалы», но ведь в тропиках, наверное, нет мочалы, ее заменяют чем-то другим.

Вы спросите: почему бороды? Зачем маскарад? Но это, пожалуй, вовсе не маскарад. Тогда, в 1958-м, все повстанцы носили бороды, даже самые

юные. В трудном походе, в партизанских тяготах им было не до бритья, каждая секунда их времени была отдана борьбе. В память о легендарном времени, о «барбудос» — «бородачах» многие борцы за свободу и сейчас носят бороды. Как например Премьер-министр Революционного правительства Кубы Фидель Кастро Рус.

А ребятам, конечно, хочется во всем походить на героев.

У меня в руках ракетница. Почти настоящий пистолет! Рядом остановился невысокий мальчик со стройной осанкой. Отдаст честь.

Надпись на обороте. Мальчик рядом со мной — командир колонны. Его зовут Фермин Леон. Ему одиннадцать лет, он родом из провинции Гавана. Фермин рассказывал, что каждая провинция предоставила честь участвовать в этом походе лучшим ребятам — тем, которые победили в соревновании «Три значка и звездочка». Всего бойцов-пионеров двести восемьдесят.

Мы спросили: отряд идет уже не первый десяток километров, жара, пыль, привалы коротки, ты не устал?

Командир, не задумавшись ни на минуту, ответил:

— Нет. Я иду к социализму. Как же я могу устать?

— А ребята?

— Некоторые бойцы устали, но никто не покинул рядов!

Семен Коган

СОСУЛЬКА

О чем грустит сосулька
Под крышею весной?
— Наверно, посмеялись
Когда-то надо мной!

Назвали бы висюлькой.
И каждый так решит:
«Висюлька
Не сосулька:
Пускай себе
Висит!

Висюльки
Не сосульки:
Кому они нужны?
Но если вы
Сосульки,
То мы вас...
Съесть должны!»

Прикроют нас
Перчаткой
И за угол несут,
И где-нибудь
Украдкой
Сосут,
Сосут,
Сосут!

Висюльки
Не сосульки!
Услышать
Хоть бы раз:
«Смотри, смотри —
Висюльки
Над окнами
У нас!»
Как будто
Стали выше,
Наряднее дома:
У каждого
Под крышей —
Висюлек бахрома.

Рисунки И. Казаковой

ЧАСЫ

Ты
На часы свои
Взгляни,
Прислушайся —
Идут они?

Идут часы,
Часы идут,
Они тебя
Не подведут.

Лентяю
Две минутки
Порой длинней,
Чем сутки.
Зато минутки
Мчатся вскачь,
Когда идет
Хоккейный матч.
Как на скамью
Штрафную,
Вздыхнув,
Домой иду я.

Они
В любое время
Тебе подскажут
Время.

Чтоб не проспал ты
Свой урок,
Часы тебя
Разбудят
В срок,
Хоть спрячь
Ты свой будильник
В комод
Иль в холодильник.

— Как долго
Тянется урок!..
Совсем напрасен
Твой упрек.

Часы твердят,
Что спать пора.
Мы засыпаем
До утра.
Спят взрослые
И дети.
Часы за все
В ответе.

Как часовые
На посту,
Часы шагают
В темноту.
И слышится
Их четкий шаг:
Тик-так!
Тик-так!
Тик-так!
Тик-так!

Н. Сладков

Рисунки Г. Ясинского

ГОЛУБАЯ ПУСТЫНЯ

Вода в океане зеленоватая. Можно плыть месяцами и все вокруг будет вздыматься зеленые волны или сиять безбрежная зеленоватая гладь. Но может случиться, что корабль войдет в голубые прозрачные воды. Знайте: тут начало настоящей океанской пустыни! Синий цвет в океане — все равно, что желтый цвет на земле. Это цвет пустыни, цвет бедной жизни.

Зеленый цвет на земле — это луга, леса, степи. Зеленый цвет в океане — это тоже луга и леса. Особые, водяные. Вместо деревьев и трав миллиарды крохотных водорослей, на которых пасутся миллиарды крохотных существ. А там, где есть много крохотных животных, непременно живут и большие. В зеленой воде вы увидите фонтаны китов и плавники акул. Вы встретите там дельфинов и ловких летучих рыб. И все это — не опускаясь под воду. А под водой жизнь еще богаче.

Совсем не то в синих водах. Ни крошечных водорослей, ни мелких рачков. Ни рыб, ни акул, ни китов. Голубая водяная пустыня. Такая же безжизненная, как и песчаная желтая.

ДЕЛЬФИНЫЯ ДРУЖБА

Много известно легенд о том, как дельфины спасали утопающих людей. И даже защищали их от акул. И сейчас нет-нет и разнесется слух, что где-то кого-то спас дельфин.

Люди недоверчивые, правда, объясняют это не дельфиним человеколюбием, а известной привычкой дельфинов выталкивать из воды плавающие предметы. Они, дескать, не спасают, а просто играют. И акул они отгоняют лишь потому, что это извечные их враги. Трудно пока сказать, кто прав: доверчивые или недоверчивые? Впрочем, для спасенного-то, в общем, все равно, приняли его дельфины за погибающего или за игрушку. Он все равно благодарен дельфинам. Как и его близкие. Да и все

люди. И поэтому, когда сами дельфины попадают в беду, все дружно спешат к ним на помощь.

А помощь эта дельфинам часто бывает нужна. По неизвестным причинам дельфины иногда сами выскакивают на берег. Рыбаки говорят, что они так увлекаются погоней за рыбой, что забывают следить за глубиной, и садятся на мель. И гибнут. Если им не помогут люди.

Но помочь дельфинам не просто. Они тяжеленные, скользкие. Они сильно бьются. Многие так слабеют, что если их опустить в воду, они утонут. Другие поранились о камни, и им надо оказать помощь. Но самое тяжелое препятствие при их спасении это... дельфинья дружба. Станете относить их в море по одному — ничего у вас не выйдет. Спасенный дельфин сейчас же вернется назад и снова выбросится на мель: он слышит крики своих товарищей и беззаветно рвется к ним на помощь. Хотя ничем не может помочь. Дельфинов надо спасать всех разом. Товарища в беде они не оставляют.

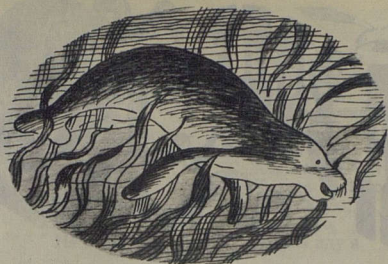
Когда человек поселится под водой — ему нужно будет на чем-то передвигаться. Уже изобретены подводные велосипеды, скутера, лодки. Но океан огромен и на всех, наверное, в первое время машин не хватит. Люди, наверное, заведут верховых животных. Ведь приручили же они на земле лошадей, верблюдов, ишаков. Даже быков и лосей.

Начнут они, конечно, с дельфинов. Уже сейчас известно много случаев, когда дельфины катают ребят. Дельфины сами напрашиваются в морские лошадки.

Некоторые подводники уже катались на морских черепахах. Но черепаха, как необезжженный конь, пытается седака сбросить. Надо крепко держаться за панцирь: так, чтобы черепаха не могла ни очаровать, ни укусить. Черепаха ленива и торопится опуститься на дно. Так что ее еще учить да учить!

Катались пловцы и на белых китах — белухах. Белухи оказались покладистыми «конями», не кусались и не лягались.

Особенно отчаянные пытались ездить на акулах. Начали с огромной, но безопасной акулы,

девами! Наверное, они видели их только издалека.

Подводники подробно их рассмотрели. Больше всего «девы» были похожи на мешки, набитые салом. Вместо шеи жирные складки. На морде свиная щетина. Вместо рук — ласты. Лысые, без ушей.

Но характер у «дев» был добродушный. Они «целовались» друг с другом — прикасались губами, шутило бодались, толкали друг друга в бока и обнимались. Они даже пели песни. Но как эти песни не были похожи на те «сладкозвучные чары», о которых рассказывалось в легендах! «Девы» щебетали, взвизгивали, попискивали на разный лад и манер. Как стайка разыгравшихся поросят. Увидев подводников, они и не подумали их очаровывать и заманивать, а со всех ласт дали деру! Но подводники были очарованы: им неслыханно повезло, им посчастливилось увидеть редких, вымирающих животных — ламантинов. Тех самых сирен, о которых сложено столько легенд.

с китовой. Вскарбкались по акульему боку на спину — как на опрокинутую лодку! — уцепились руками за плавник, и поехали! Сорвиголвы хватались и за плавники опасных акул.

Смелые дрессировщики «скакали» даже на касатках. Тех самых, которых называют убийцами, которые целиком глотают тюленей и расправляются даже с китами! И ничего! Так что в море без «лошади» не останешься. Еще никто не катался на моржах, на тюленях, на тунцах, осминогах. А киты! Это же готовые морские грузовики.

МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ

У берегов залива подводники встретили «морских дев». Тех самых легендарных сирен, которые, как верили в старину, «сладкими песнями» увлекали моряков в морскую пучину. Подводников удивила не сама встреча, а то, как могли моряки путать когда-то этих толстых, неуклюжих животных с «прекрасными

НЕВЕРОЯТНОЕ СУЩЕСТВО

В воде много существ удивительных. Но самое удивительное, пожалуй, — просто неправдоподобное! — это миксинна. Похожа она на минюгу. Живет в глубине океана. У нее столько поразительных особенностей и способностей, что не сразу и перечислишь. Ну, во-первых, она может завязываться узлом! И не ради потехи: так она счищает с себя лишнюю слизь. Протянется через свой же тугой узел — и чистенькая! Но совсем без слизи ей тоже нельзя. Попробуйте ее, слизкую, схватить:

чем крепче сожмете, тем она быстрее выскользнет. А если все же сумеете удержать, она сейчас же завяжет на хвосте узел, передвинет его к кулаку, упрется, и выскользнет из руки.

Не обрадуется враг, если схватит ее зубами. Она столько напустит слизи, что забудет ему глотку, глаза, нос и жабры.

Однажды миксину посадили в ведро. И сразу вода в ведре превратилась в кисель.

Миксина видит, но не глазами, а... хвостом! Там у нее особая зрячая кожа: отличает свет от темноты. У миксины нет челюстей, но зато есть... зубатый язык. У нее нет желудка, но зато есть... четыре сердца. Одно из них бьется в... хвосте. Миксина может полгода не есть. Может без головы плавать много часов. Сердце ее — отдельно от тела! — бьется несколько дней. Чего она только не может!

ВКУС СТРАХА

Можно ли наследить в воде? Помните: «Еду, еду — следу нету»? И «вилами на воде писано»?

Но стареют пословицы! Устарело и «нем, как рыба», устарело и «вилами на воде писано».

Плывет стадо дельфинов и тянется за ними пахучая следовая дорожка. Пересекут ее другие дельфины и сразу узнают: свои прошли! Теперь не зевай, не разевай рот — скорее вдогонку! Ой, извините, заговорился — именно теперь и зевай и рот разевай. Да, да, — рот! Потому что запахи дельфины ртом узнают. Впрочем, как в воде отделить вкус от запаха? Так что след в воде скорее не пахучий, а...вкусный! Но не только...

Однажды зверобой обстреляли стадо белух китов — белух. Убить не убили, но до смерти напугали. Белухи развернулись и умчались в открытое море. На другой день точно по следу этих белух плыло другое стадо. Шли след в след: значит, след первого стада еще сохранился в воде. А ведь сутки прошли!

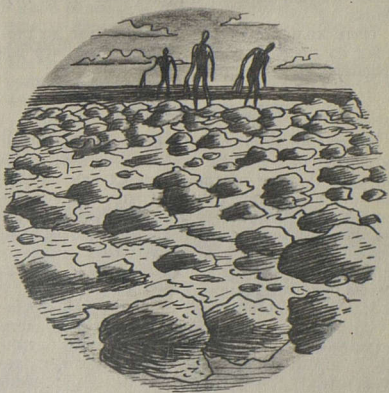
Шли белухи весело, уверенно и спокойно. Но вдруг испуганно заметались, ни с того ни с сего, быстро развернулись и кинулись в открытое море: точно с того самого места, где вчера зверобой обстреляли первое стадо! И точно туда же уплыли, куда и те!

Белухи не только чуяли в воде вчерашний след, но даже узнали по следу, где их сородичей напугали. Узнали вкус страха!

УБЕЖАЛ БЕРЕГ

У подводников правило: в незнакомом месте вести себя особенно осторожно и осмотрительно. Море на сюрпризы гораздо! Шутить с морем нельзя. Иной раз такой номер выкинет, что не придумаешь и нарочно.

Но мы, кажется, предусмотрели все. Море северное для нас было новое, незнакомое, и мы

твердо решили далеко в первый раз не заплывать. Побарахтаемся для начала на глубине двух-трех метров, а там видно будет. Берег высокий, обрывистый, очень приметный. Еще и пирамидку из камней сложили, чтобы не заблудиться. Надели теплое белье, резиновые костюмы, поплывали на маски, сплоснули их в незнакомой воде и нырнули. И тут разбежались у нас глаза: все вокруг новое и незнакомое! И рыбы неизвестные, и раковины, и водоросли. Колочие морские ежи, разноцветные морские звезды, яркие актинии — таких в привычном для нас Черном море мы не видели никогда. Они в нем не живут.

Занялись мы сборами и фотоохотой: головы поднять некогда! Ни разу на берег не посмотрели. Чего смотреть, только время терять, небось не сбежит. Тут бы только успеть на дне все увидеть: красота-то какая!

Но все же далеко от берега не уплывали. Утожили море все на той же глубине метра в три. И только когда замерзать стали — часа два-три, наверное, в воде пробыли! — решили из воды вылезать. Подняли над водой головы и обомлели: берега рядом не было! Его вообще не было, берег сбежал! Вокруг было море: вода, волны.

Что делать и куда плыть? Не на глубину же, конечно. Поплыли где мельче. Плыли, плыли—

совсем мелко, море по колено. Сняли ласты, пошли. Вышли из воды на берег. Но он совсем был на наш не похож. Ровный, пологий, весь в мокрых водорослях, лужах, камнях. Ни обрыва, ни каменной пирамидки. И, конечно, ни нашей стоянки. Стоим мокрые, замерзшие, растерянные. Все учли, все предусмотрели, кроме того, что... тут высокий прилив! Вошли мы в море в прилив, а вышли в отлив, и унесло нас невесть куда, хоть мы и держались одной глубины.

Пять километров еще шлепали мы до стоянки по грязи и лужам. Хорошо еще, что дошлепали...

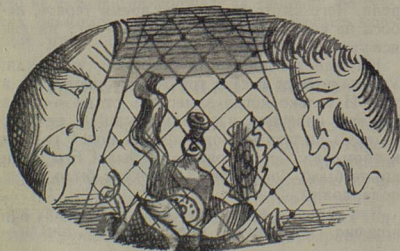
ТИХИЙ ОКЕАН

Ученые смастерили сеть, которой можно было ловить на огромной глубине — в семь километров! Полные светлых надежд они опустили сеть в морскую пучину. Ожидание показалось долгим: они горели от нетерпения. Еще бы, сеть на такой глубине! Они предвкушали невиданный улов диковинных рыб, которых еще никогда не видели глаза человека. Обитающей черной бездны.

Наконец сеть подняли. Все, торопясь, толкаясь, кинулись к ней, чтобы первыми увидеть невиданное. И увидели в сети... пустые бутылки и банки, тряпки, пузырьки, коробки, угольный шлак... Мусор, выброшенный с борта кораблей.

Все расстроились и удивились. А ведь иначе и быть не могло! Представьте, будто уже сотни лет летают над землей тысячи гигантских самолетов, с тысячами и тысячами пассажиров на борту. Пассажиры пьют, едят, фотографируют, лечатся, меняют одежду, читают газеты. И все негодное, все ненужное выбрасывают потом за борт. Что бы произошло? Вся бы Земля превратилась в свалку. Как уже превращается в свалку дно морское и океанское. Только нам пока это не видно.

Ученые, конечно, поймают своей сетью глубоководных рыб. И, наверное, придумают способ, чтобы не засорять Землю и Океан.

Сегодня мы начинаем литературную игру «А что же дальше?»

Правила этой игры очень простые.

Писатель рассказывает какую-нибудь историю, но не досказывает ее до конца. Тот, кто хочет участвовать в нашей игре, должен придумать свое окончание рассказа.

Чем неожиданнее, оригинальнее, забавнее будет конец, тем интереснее.

В следующем выпуске литературной игры будут опубликованы самые лучшие варианты, читательские, окончания нашей истории, разумеется, с указанием имени и фамилии автора.

Затем мы расскажем новую историю.

Каждый читатель может попробовать свои силы в литературном творчестве.

В конце года мы подведем итоги и победители литературной игры получат приз.

Ведет игру ленинградский писатель Илья Дворкин. Ему хотелось, чтобы история, которую он рассказал, была веселой, а уж какой она получилась, судите сами.

ИСТОРИЯ С ЧЕМОДАНОМ

Илья Дворкин

Рисунки Г. Ясинского

Родной город Таира и Володьки невелик, но очень красив.

Полукольдом, с трех сторон охватывают его горы, прижимают к синему Каспийскому морю. Дома в городке стоят среди буinhoй зелени. Поднимаясь в горы, она постепенно переходит в голубоватый цвет грабовых горных лесов. Потом, еще выше, сочная зелень альпийских лугов, а дальше уже белые макушки вечных снегов. Зеленое, синее, голубое, белое... Чистые, веселые цвета!

Может быть, поэтому и выросли Таир с Володькой людьми веселыми и добрыми.

Если поглядеть на них непристальным взглядом, покажется, что более несхожих людей и не сыщешь — Таир черный, как галчонок, загорелый до невероятности, а Володька белобрысый, и нос у него постоянно лупится, он у него как молодая розовая картофелина.

Володька и Таир одноклассники, и дома их рядом. Короче, задушевные они друзья, а если взглянуть внимательнее — поймешь, что в чем-то главным они похожи, как братья. Да и быть иначе не может, если с рождения рядом, если радости и нахлобучки общие. А надо сказать, что благодаря деятельным своим характерам перепадает им от взрослых частенько.

Взять хотя бы их последний на шумевший эксперимент по выявлению честности у населения собственного города.

А все началось с того, что Таиров папа ска- зал за обедом:

— В нашем городе, где все друг друга знают, — сказал он, — такая кристальная честность у населения, что забудь кто-нибудь случайно на улице золотой сундук с драгоценностями — и никто не возьмет. Хоть через год приходи!

Это интересное заявление следовало немедленно проверить. Экспериментально. Правда, золотого сундука у Таира и Володьки не нашлось. Зато у Володькиной мамы отыскался новенький польский чемодан. Под крокодила.

— А драгоценности? — спохватился Таир.

— Чудак! — снисходительно сказал Володька. — Зачем драгоценности, если все равно такая жуткая честность населения? Мы в чемодан газет на- толкаем, а для весу гирию су- нем. У нас есть. Старинная, медная, сорок фунтов весит, батя на ней гвозди выпрямляет. Откуда население узнает, что в чемодане? Стоит себе на улице новенький чемодан, и все тут. Мы уйдем, потом придем, а он стоит как миленький.

— Ну, Володька, ты голо- ва! — восхитился Таир.

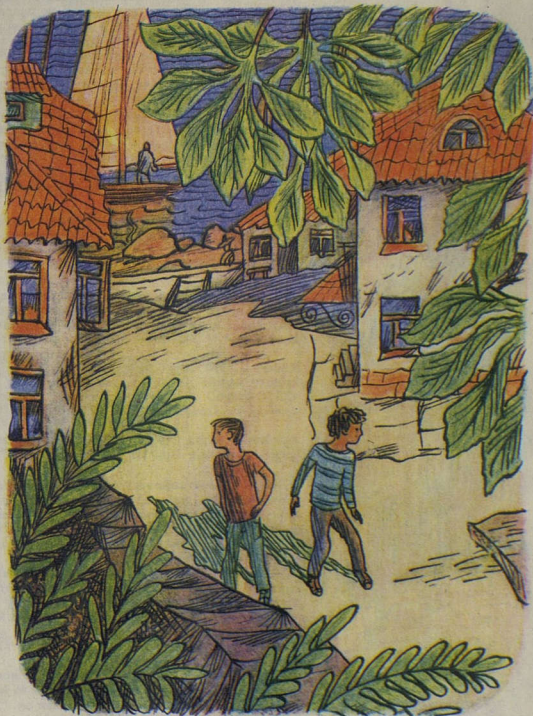
Сказано — сделано. Натол- кали в чемодан старых газет, сунули гирию и, перегибаясь от тяжести, потащили на главную улицу, где кофейня и парикмахерская дяди Арчила.

Опыт начался. Они установи-

ли новенький, сияющий никелированными за- стежками чемодан на перекрестке и отошли в сторонку. Но тут хлынул дождь. Ни с того ни с сего — ливень. Ребята бросились под густой каштан. Только спрятались, как дождь кончил- ся. Можно было продолжать опыт. Таир и Во- лодька высочили на перекресток... и остолбе- нели — чемодан исчез.

Они устали друг на друга, потом мед- ленно отвернулись, пряча глаза. Таир сосре- доточенно ковырял пяткой асфальт. Нехорошие мысли одолевали друзей. «Что ж это получа- ется, — горестно думал Володька. — Выходит, никакой кристальной честности нету у насе- ления?!» Он поднял голову и увидел в дверях па- рикмахерской напротив оживленно жестику- лирующего дядю Арчила.

Дядя Арчил что-то рассказывал невидимому в глубине парикмахерской собеседнику, удив- ленно всплескивая руками.

П Р И Д У М А Й К О Н Е Ц Э Т О Й И С Т О Р И И !

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

К 60-летию С. В. Михалкова

Читатели думают: чем ближе знаешь человека, тем легче о нем писать. Но на деле это не так. О близком человеке писать очень трудно. Слова кажутся недостаточно выразительными, а то, что тебе представляется очень значительным и важным, может не заинтересовать читателя. Кроме того, для такой работы нужен особый настрой. Но редакция не ждет. Телефонный звонок. Телеграмма. Скорей, сдаем номер! Ждем статью о Сергее Владимировиче Михалкове. И вот я сажусь за стол, достаю чистый лист бумаги... И вдруг мне кажется, что я слышу знакомый чуть срывающийся голос:

Простой бумаги свежий лист!
Ты бел, как мел. Не смят и чист.
Твоей поверхности пока
Ничья не тронула рука.

Чем станешь ты? Когда, какой
Написан будешь ты рукой?

Я прислушиваюсь. Голос смолкает. Вероятно, эти прекрасные михалковские стихи пришли мне на память из-за листа бумаги, который лежит передо мной. А голос зазвучал потому, что с Сергеем Владимировичем мы расстались полчасу тому назад.

Когда вы получите этот номер журнала, Сергею Владимировичу исполнится 60 лет. Но пока он еще не значится в строю шестидесятилетних. И его мысли заняты не юбилейными делами, а работой, буднями. Он только что читал мне новые стихи, мы обсуждали их, даже немного поспорили. Голос Михалкова в моей памяти обязательно связан со стихами. Как будто он только и читает стихи. А просит стакан чаю уже другой голос.

Но сейчас я должен написать о Михалкове самое главное и то, чего не знают читатели. О Михалкове многие знают многое, потому что вся жизнь Сергея Владимировича на виду, среди людей, на страницах газет, в динамиках радиоприемников, на экране телевизоров... Читатели знают, что Михалков их любимый поэт. Поэт, который одним из первых встретил их в жизни. Они еще не узнали премудрости азбуки, а уже слушали стихи Михалкова и держали в руках его книжки. Они держали в руках книжки и читали, не зная азбуки, по памяти. Потому что стихи Михалкова не заучиваются, а запоминаются. Вспомните свое раннее детство. Разве это не так?

Мы с товарищем вдвоем
Очень весело живем.
Мы такие с ним друзья,
Куда он, туда и я.

Когда встречаешь такие стихи, то создается обманчивое впечатление, что их не только легко читать, заучивать, повторять сто раз, но и легко писать. Раз-два, и готово.

Я начал свой рассказ со стихов о листе белой бумаги и прервал их. Позвольте продолжить:

Кому и что ты принесешь;
Любовь? Разлуку? Правду? Ложь?

Прощеньем ляжешь ли на стол?
Иль обратишься в протокол?
Или сомнет тебя поэт,
Бесплодно встретивший рассвет?

«Или сомнет тебя поэт, бесплодно встретивший рассвет?» Как вы думаете, может ли написать такие точные, трудные строки поэт, который легко пишет? Может ли вообще «такой» поэт задуматься над листом бумаги? Такому поэту некогда разглядывать лист бумаги. Взял перо, и пошла работа... А Михалков, пишущий удивительно простые и удивительно «легкие» стихи, не раз «бесплодно встречал рассвет» и мял лист бумаги с неудавшимися стихами.

Вероятно, у каждого читателя складывается образ любимого им поэта. И должен сказать, что читатели чаще всего ошибаются. Помню, как в юности я представлял Михаила Светлова таким конником-рубаккой, косая сажень в плечах, усы в полщечки, папах набекрень. А в жизни этот прекрасный, мужественный поэт оказался худым, даже щуплым. Что, правда, не помешало ему мужественно пройти всю войну. Сергея Владимировича Михалкова большинство читателей отождествляет с дядей Степой и... не ошибается.

В 1935 году в редакцию журнала «Пионер» пришел никому не знакомый молодой человек огромного роста и с ножицей 45 размера.

— Я принес стихи, — робко сказал он.

— Показывайте, — сказал Борис Ивантер, редактор журнала.

Молодой человек протянул рукопись. Редактор стал читать:

В доме восемь дробь один
На заставе Ильича
Жил высокий гражданин
По прозванию «каланча».

По фамилии Степанов
И по имени Степан...

Редактор оторвался от листа, посмотрел на молодого автора и спросил:

— Ваша фамилия Степанов?

— Нет, — ответил долговязый молодой человек, — моя фамилия Михалков.

И чем дальше редактор читал, тем больше находил он сходства между автором и героем поэмы. А когда он кончил чтение, то воскликнул:

— Отлично! Будем печатать в очередном номере. А художник нам не потребуется. Мы сделаем фотоиллюстрации. Будем снимать вас. Вы — вылитый дядя Степа, товарищ Михалков.

Редактор не ошибся! Михалков не только внешне похож на дядю Степу и «сорок пятого» размера надевает сапоги, но его человеческие качества созвучны любимому герою. Это желание сделать людям добро, помочь людям в трудную минуту, подбодрить человека шуткой и добрым словом. Люди тянутся к Сергею Владимировичу, как к доброму великану, и его великанской доброты хватает на всех.

По сюжету поэмы, когда начинается война, дядя Степа отправляется бить фашистов. И здесь совпадение. Михалков — писатель-фронтовик. И рядом с трудовыми орденами у него на груди — боевые!

И тут читатель может сказать: а после войны дядя Степа стал милиционером. Как же Михалков? Да, дорогие друзья, Сергей Владимирович не стал милиционером. Но любовь к порядку у него такая же, как у дяди Степы. И борется он за этот порядок в жизни, не прибегая к залиvistому милиционерскому свистку, а с помощью сатиры. Михалков — сатирик. Это очень важная страница в его творческой биографии. Нет в стране человека, который бы не знал популярных, колких, пристрастных басен Михалкова. Его сатирические комедии идут в театрах страны. И наконец — «Фитиль»! Этот замечательный сатирический киножурнал создал и открыл, избрал Сергей Владимирович. Он же его бессменный главный редактор.

Года два тому назад мы с Сергеем Владимировичем поехали в город Грозный в Чечено-Ингушетию, где Михалкова выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В этом удивительно красивом горном краю мы ездили по аулам, были на заводах и в колхозах. И каждый раз, когда кончалась встреча Михалкова со взрослыми, начиналась другая встреча — с детьми. И я наблюдал, как слушали Михалкова дети, чей родной язык не русский. Как светились их глаза. Как появлялись улыбки. И какими дружными хлопками благодарили дети своего поэта. И тогда я подумал, что Михалков не только народный, а всенародный поэт. Он близок и понятен, он любим всеми советскими детьми. И не только советскими.

В прошлом году я участвовал в болгарском празднике детской книги и искусства. В одной из школ ко мне подошла девочка и спросила:

— Как поживает Михалков?

— Ты знакома с ним? — спросил я.

— Мы все знакомы... с ним. Он наш любимый... — она запнулась, видимо, хотела сказать поэт, или писатель, а сказала — Человек.

Любимый человек. Как хорошо сказала о Михалкове болгарская девочка. Как точно она подметила единство писателя и человека в Сергее Владимировиче Михалкове. Михалков не просто замечательный писатель, но и горячо любимый. И нет для писателя выше награды, чем всенародная любовь.

Сергей Владимирович написал для детей много прекрасных стихов, пьес, сценариев кинофильмов, сказок, песен, басен... Да разве все перечислишь! А какую ответственную государственную работу он выполняет. Депутат Верховного Совета СССР, председатель Союза писателей РСФСР, председатель Всесоюзного Совета по детской литературе, редактор «Фитиля»...

Нет, вероятно, мне не удалось нарисовать полный портрет нашего общего любимого друга Сергея Владимировича Михалкова. Но я уверен, что вы сами дополните портрет писателя своими красками.

Я же, начав рассказ со стихов о листе белой бумаги, хочу и закончить ими:

Нет! Ждет тебя удел иной!
Однажды карандаш цветной
Пройдет по всему листу,
Его заполнит пустоту,
И синим будет небосвод,
И красным будет парокhod,
И черным будет в небе дым,
И солнце будет золотым!

Так Сергей Владимирович Михалков зажигает в своих стихах золотое Солнце!

Юрий Яковлев

Рисунки Г. Ясинского

ТРИ - СТОП!

Рисунок
Ю. Бочкарева

НЕ НАВЯЗЫВАТЬ СВОЕ,
НЕ КОМАНДОВАТЬ!

Фото Дм. Варушина

Говорит **Света Воронина**,
председатель совета отряда

Девочки пишут очень категорично: «Предлагали разные дела, а мальчики только вредят...»

Жаль, что в этом письме не сказано, как же составляется в этом отряде план работы. Может быть, девочки привыкли сами обдумывать предложения по плану, а на сборе только ждут одобрения, согласия мальчиков? Обсуждения не получается. Девочки, наверное, вспоминают о мальчиках только на сборе.

У нас ведется иначе: на заседание совета отряда приходят все, кто хочет. Даже из другого класса могут прийти. Вместе обсуждаем любое предложение. Когда все согласятся с ним, тогда вносим в план. Половина совета отряда у нас — мальчики.

НЕ ЖАЛЕТЬ ДОБРОГО
СЛОВА!

Говорит **Игорь Харченко**,
член совета дружины

В отряде нет дружбы. Мальчики не слушаются девочек, вредят.

А разве в послушании дело? Хорошо ли вы относитесь к своим одноклассникам? Хватает ли терпения договориться с ними мирным путем? Верите ли в доброе слово, сказанное вовремя? Это первый шаг к успеху. Мы на своем опыте убедились в этом.

Есть у нас в классе Вова Ершов. Еще год назад ходила за ним слава круглого двоечника. Бедствием стал для нашего класса, даже мальчишки научились безразлично относиться к нему. Девочки взлились за него: установили терпеливый и строгий контроль за тем, как Вова уроки делает, стали вовлекать его в пионерские дела

Сигнал общего пионерского сбора.

См. повесть А. Гайдара

„ТИМУР И ЕГО КОМАНДА“

«Дорогая редакция!

Недружный у нас класс. Когда мы начинаем что-нибудь делать, мальчишки всегда нам вредят. Бывает, что грубят старшим, даже нашей учительнице...

Что с ними делать?

С пионерским приветом
Лиля и Эмма Матус
Кемеровская область,
город Осинники»

Немало таких писем приходит в редакцию. Значит, немало еще пионерских отрядов,

где ребята хотят стать дружными, думают о своем участии во Всесоюзном пионерском Марше «Всегда готовы!», ждут помощи, совета своих ровесников...

Пионеры 7 «б» класса 241-й школы Ленинграда приняли близко к сердцу заботы и огорчения своих ровесников-сибиряков.

Вот что думают ребята о дружбе в отряде, об отношении к пионерским поручениям, об умении считаться с характером человека...

Семиклассники читают письмо из Кемеровской области.

отряда. Кроме них, никто не додумался до этого; обычно считается: раз двоечник — значит, безнадежно что-либо поручать...

Правильная политика: Вова теперь даже тройки редко получает. Недавно — только в седьмом классе — Володю приняли в пионеры.

БЕЗ РИСКА НЕ ОБОЙДЕШЬСЯ!

Говорит Ира Чулкина

Игорь прав. Я тоже заметила, что когда в команды КВН не брали учеников с плохими отметками, им было невероятно обидно. Стоило рискнуть, взять их в состав команды, но поставить строгое условие — подтянуться в учебе. По-моему, ребят, которые дерзят направо и налево, когда-то оттолкнули от общих дел, не понимая, несправедливо обидели...

УЧАСТВОВАТЬ В МАРШЕ «ВСЕГДА ГОТОВ!»

Говорит Таня Кирзнер

У нас всегда интересно проходит «Зарница», хотя кое-кто упорно думает, что эта военно-спортивная игра скорее подходит для мальчиков, чем для девочек.

Со школьной игры мы попали на районную, потом на городскую и областную.

«Зарница» способна сплотить самых недружных ребят. Они станут сильнее, спортивнее, а значит, умнее!

ВЕРИТЬ В ХОРОШЕЕ!

Говорит Света Сальникова

Однажды мы устроили новогодний карнавал с угощением. Пекли разное печенье и девочки, и мальчики. Мальчики показали себя прекрасно! Почти весь карнавал они подготовили сами. Чудесный был праздник. А какое печенье они испекли! Вкуснейшее. Нашему удивлению не было границ.

Мечтаем о новом таком празднике. Пусть мальчики

еще раз докажут свое кулинарное искусство.

УБЕЖДАЕМ, А НЕ ЗАСТАВЛЯЕМ!

Говорит Саша Губер

Теперь наши отрядные затеи интересуют всех. А когда-то и мы неправильно распределяли пионерские поручения. Слишком строго: «Надо! и — никаких!». Теперь действуем убеждением. Не лежит у человека душа быть вожатым у малышей? Не заставляем, находим ему дело по душе. Так больше толку!

У нас чаще всего именно мальчики предлагают совместный поход, экскурсию. Мальчики бывают ответственными за организацию такой «вылазки». А каждая «вылазка» за город делает отряд дружнее.

СПОРЫ НЕ ВРЕДЯТ ДРУЖБЕ

Говорит Таня Столярова

В нашем классе есть такие тихие, спокойные мальчики, которые ни в чем вроде бы не участвуют, что называется, совсем не на виду. Даже девочки в адрес таких мальчиков не прочь отпустить шуточку, колкость. Это разобщает отряд. Кому же по душе насмешки?

Одно время получалось так, что некоторые мальчики из нашего отряда примыкали к не приятной нам компании. То один из нас, то другой встречал их во дворе школы как чужих.

Мы постарались повести себя так, чтобы и эти мальчики поняли, что они — часть коллектива, что с классом — интереснее.

Мы часто спорим, хотя и считаем себя дружным классом. Но пока по-хорошему не убедим друг друга в своей правоте, ничего не решаем.

От наших споров дружба крепче!

БУРНАЯ НОЧЬ

Роберт Стивенсон

Когда ни звезды, ни луна
Не светят в поздний час,
Я слышу топот скакуна,
Что мчится мимо нас.
Кто это скачет на коне
В сырую полночь, в тишине?
Под ветром дерево скрипит,
Качаются суда,
И снова гулкий стук копыт
Донесится сюда,
И, возвращаясь в ту же ночь,
Галопом всадник скачет прочь.

Перевод Исм. Ивановского

РАЗГАДКА

На полке школьной библиотеки стоят знаменитые романы Роберта Стивенсона: «Остров сокровищ», «Похититель», «Черная стрела». Но, может быть, не все ребята знают, что Стивенсон оставил нам несколько десятков прекрасных стихотворений.

Перевод одного из них — «Бурная ночь» — напечатан на этой странице.

Я очень люблю это стихотворение. В нем много загадочного — ночь, буря, таинственный всадник, но есть и простое, реальное: скрипящее дерево, суда, которые раскачивает волна. А звезды и луна хотя и не видны, но все же названы и как бы скрыты облаками.

Это сочетание загадочного и понятного похоже на рисунок тушью, в котором художник пользуется и точной суховатой линией, и размытым пятном. Четкая линия и расплывчатое пятно помогают друг другу.

Ритм стихотворения с обязательным ударением на последнем слоге строки напоминает мерные удары копыт.

Загадку всадника каждый читатель разгадывает по-своему. Одну такую загадку я услышала далеко за Полярным кругом, в городе Нарьян-Маре.

Стоял декабрь. В два часа дня темнело, и фонари на улице Смирновича освещали низкие карликовые ивы и березы.

Возле школы-интерната играли ненецкие ребята. Они изображали охотников: петляли в кустках и, пригнувшись, разбирали сачем. Наконец охотники выскочили медведя, завязавшись отчаянная борьба, и вскоре медведь был убит, — он лежал на спине и дышал лапами. Все это было разыграно очень здорово, с большим знанием дела.

В пятом классе я читал свои переводы английских народных балад. Мы заговорили о поэзии, любители стихов оказалось много, и урок пролетел незаметно. Под конец я прочел «Бурную ночь», и мы стали вместе отгадывать загадку всадника.

Разгадок было много.

— Это ночь скачет.

— Буря.

— Ветер.

— Солдат.

— Почтальон.

Один пятиклассник помакивал, а потом сказал:

— Однако, это доктор скачет к больному.

Этот мальчик сразу показался мне самым добрым и сердечным человеком в классе. Как хорошо он придумал! Конечно, это доктор скачет на коне в бурную ночь, прижимая к груди чemoданич с инструментами, и бонитс опасаться, не успеть, изo всех сил торопится спасти больного.

Когда я вышел из школы-интерната, было совсем темно, хотя прошла всего час. Метель усилилась, и все было по-своему похоже на бурную ночь, описанную Стивенсоном. Я шел и думал о том, какая трудная жизнь была у Стивенсона: он не прожил и пятидесяти лет, из года в год боролся с тяжелой болезнью и не сдавался ей. Он и смерть одолеал: его стихи будут жить всегда. В те дни, когда Стивенсон писал стихотворение «Бурная ночь», он был так болен, что в его комнате говорили шепотом, а окна были наглухо заперты штормом. Но какая неуверенная, бурная, полная сил жизнь бьетс в каждой строке!

И я подумал, что если бы Стивенсон услышал слова ненецкого мальчика о докторе, скачущем к больному, он, наверное, сказал бы, что разгадка правильная.

Исм. Ивановский

Рисунок А. Сколозубова

У КОСТРА

В костре мы печем картошку,
уже готова она.
Лусть подгорела немножко,
и все равно — вкусна.

С солью и с черным хлебом,
А главное — в лесу.
Черная, будто небо,
Сама у нас на носу.

Скачем вокруг костра мы,
Трыгаем через костер.
Не беспокойтесь, мамы,
Это отрядный сбор.

Мы не растаем, словно
Снегурочки, над костром.
И в одиннадцать ровно —
В лагерь бегом.

Оля Мамонтова, 6 кл.,
г. Кировск Ленинградской области

ДОЖДЬ

Как в барабан, дождинки бьют
В листочек на осинке.
И потекли куда-то вдруг
Обмякшие тропинки.

Еще с утра жара была,
Дождя ждала земля, ждала
И трескалась от зноя,
Как от великой боли.

Маша Котова, 6 кл.,
Ленинград

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Вот и сад, где я, играя,
Ловко мчался меж кустов.
Вот видна стена сарая,
Чуть правей глубокий ров.

Вот речушка, в ней когда-то
Научился плавать я.
Вот береза влобхвата,
Гордость давняя моя.

На ветру за речной поле
Спелым колосом шумит.
Деревенское раздолье —
Не забудешь этот вид.

Виктор Тихомиров,
Ленинградская область

Оформление Т. Соловьевой

ЛЕТОМ

Люблю сидеть у озера,
Глядеть, как рыба плещется.
Еще люблю в парилочке —
Как дед березкой хлещется.

Люблю деревню вечером,
Когда мычат коровушки.
Проспишь на сеновале ночь —
Светло в твоей головушке.

А утром за околицей
Я громко песенки пою
Про ту деревню милую,
Про бабуку Устиньку свою.

Я съел не рябенку — сметану.
Бабка раскумекала.
Через грядки, где морковь,
За мной с ухватом бегала.

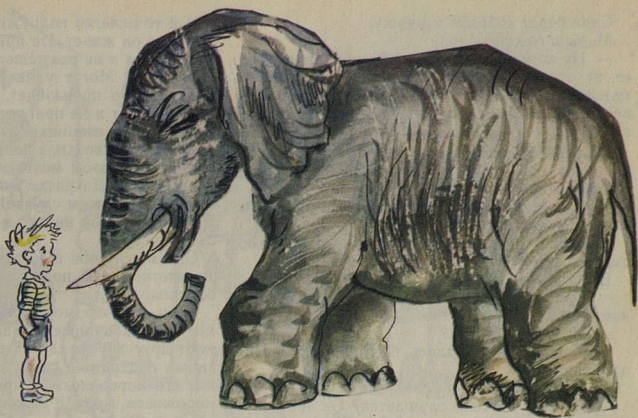
Вова Иванов, 5 кл.,
Ленинград

Боба и слон

КИНОПОВЕСТЬ

Виктор Голявкин
Рисунки автора

НЕ ПОДХОДИТЕ К СЛОНУ СЛИШКОМ БЛИЗКО

Африканский слон стоит в вольере и дремлет. Ему снится детство, саванны. Слоны идут медленно. Слоны пьют воду в реке. Слоны мчатся по саванне. Слонята на воле играют друг с другом. Все то, что бывало в детстве.

Но вот он просыпается и видит маленького мальчика, который играет возле вольера.

— Ура! — кричит мальчик. — Проснулся! Давай теперь вместе играть. Больше всего мне нравится играть с тобой, потому что ты такой же большой, как и я.

— Какой же ты большой? — смеется маленькая девочка. — Даже я с тобой играть не стану, уходи отсюда. Мой папа служитель слоновника и, если я захочу, может меня к слону пустить.

— А моя мама здесь мороженое продает, и если я захочу, могу сколько угодно мороженого съесть.

Мальчик прыгает и носится с игрушкой. Игрушка перелетает в вольер к слону, и малыш пытается пролезть в вольер за игрушкой.

— Папа, папа, смотри, куда он лезет! — кричит девочка своему отцу.

Отец девочки берет малыша и показывает ему табличку «НЕ ПОДХОДИТЕ К СЛОНУ СЛИШКОМ БЛИЗКО!»

— Разве ты не видишь, что тут написано? — спрашивает он.

— Вижу, — отвечает невозмутимо малыш.

— Прочел — так не лезь.

— Нет, — говорит малыш, — я еще не умею читать.

— «Не подходите к слону слишком близко», — читает девочка.

Но мальчик вырывается и опять бежит к слону.

— Удивительно смелый мальчик, — говорит девочка, — хотя он еще такой маленький, что даже читать не умеет.

— Держи его, Марина! — кричит отец девочки и опять хватается мальчика. — Это же очень опасно! Потому он туда и лезет, что такой маленький и не умеет читать.

— Отдай мне, слон, пожалуйста, игрушку! — просит мальчик.

Слон медленно поворачивается и смотрит на мальчика.

— Слушай, слон, я тебе по-человечески говорю! — просит малыш.

— Да как же он тебе может отдать игрушку, — говорит отец Марины. — Разве он понимает по-человечески?

— Может, — говорит мальчик, — он все понимает! Такой большой и не может отдать мне игрушку? Слушай, слон, я тебя предупреждаю, отдай мне игрушку!

Отец с девочкой тянут мальчика от слона, малыш вырывается, царапается, кусается, рвется к вольеру.

Вдруг неожиданно останавливается, вытирает слезы, успокаивается и говорит:

— Пожалуйста, пусть слон играет с моей игрушкой, если она ему так нравится.

Его отпускают, но он вдруг срывается с места и опять бежит к слону, пытается к нему пролезть.

— А может, она тебе не нравится? — спрашивает мальчик.

Слон берет хоботом игрушку.

Малыш говорит слону:

— Ну хорошо, играй, играй, не отдавай мне ее, не отдавай, у тебя ведь нет такой замечательной игрушки, и тебе, наверное, скучно. Конечно, тебе бывает скучно, как я сразу не догадался...

Но слон протягивает игрушку малышу, и тот забирает ее. Отдает слону оставшееся мороженое и говорит:

— Пожалуйста, раз ты не хочешь играть, я могу ее взять.

Мальчик спокойно уходит, все растерянно смотрят ему вслед.

Его догоняет девочка.

— Как это у тебя получилось? — спрашивает она.

— Чего получилось?

— Как это тебе удалось, будто вы с ним сговорились?

— Сговорились? — удивляется малыш.

— Почему он тебя слушается? Он тебя давно слушается?

— Ведь мы с ним играем.

— И все?

— А что же еще?

— Он так со всеми играет?

— Наверно, со всеми, ему ведь скучно. И мне скучно, — говорит мальчик, — неужели ты не понимаешь? А вдвоем нам с ним веселее.

— Ты мне вот что скажи, — говорит Марина, — у вас в семье не было дрессировщиков? Предположим, дяди, тети, бабушки, никого не было?

— Бабушка была.

— Дрессировщицей?! Ой, как я хочу быть дрессировщицей! А мой папа считает, что я не смогу быть дрессировщицей, потому что нет внушительной внешности. Я всю жизнь, как помню себя, мечтаю быть дрессировщицей.

— А что это такое?

— А ты говоришь: бабушка была дрессировщицей! Как же ты говоришь, раз не знаешь о чем? На манеже у вас кто-нибудь из родственников работал?

— Работал, — говорит малыш.

— Кто работал?

— Я.

— Ну и балда! Как же ты мог там работать?

— Я там раньше все время сидел.

— Где сидел?

— В манеже. А потом туда Вадика посадили, а он ведь еще ходить не умеет. Поддерживаю мою игрушку, — говорит мальчик и убегает.

МАЛЫШ ВСЕ МОЖЕТ

Найти слона в вольере нетрудно. Он в самом центре, в вольере. Трудней с ним подружиться. Кто этого не хочет? Но ведь с челове-

ком и то нелегко подружиться, если даже знаешь, где он живет. Не придешь же ты в незнакомый дом и не скажешь: мне скучно, хочу подружиться. Могут удивиться, разозлиться, да мало ли что произойдет. Могут пригласить в дом, а могут и не пригласить. Не легче со слонем. Всекие озорники кидают в него разную дрянь, даже гвозди, в надежде, что он их съест. И таким образом мечтают познакомиться. Хорошо подход! Да разве можно с такими знакомиться. Ни в коем случае! Из-за этих скверных мальчишек слон никого к себе не подпускал и был опасен.

Огромный слон и мощный. Не зря написано на клетке: «Не подходите к слону слишком близко».

Слон кому-то моргнул, ах, оказывается, он моргнул мальчишке! А малыш слону. Подмигивают друг другу, как старые приятели. Мальчишка подходит к слону совсем близко и кормит его мороженым. Слон хоботом отправляет мороженое в рот, с удовольствием поедает несколько эскимом.

— Я могу съесть сто штук, — говорит малыш. — А ты? Миллион? И я миллион. А сто миллионов? И я могу. А еще больше? Во-от... больше всех миллионов можешь? Ты весишь сколько? Четыре тысячи? И я. Нет, я миллион. Ну хорошо, и ты миллион. Мы с тобой вместе весим миллион. Больше нас никто не весит, и мороженого больше нас никто съесть не может. Нет, я все же меньше... Ты больше. Зато раньше я был во-от такой! А потом похудел и стал меньше. Раньше я даже в коляске не помещался. Кладут меня в коляску, а я не помещаюсь. Бабушка меня везет, а земля качается, и дома качаются, и столбы, и люди на земле качаются и просят, чтобы меня по улицам не возили. Однажды я встал в коляске, земля сейчас же наклонилась, и все люди, троллейбусы, машины, трамваи покатились вниз. Я обратно залез в коляску, и все опять на место встало. Я съел целый пуд. А сейчас куда меньше. Сейчас земля не наклоняется, сколько бы я ни прыгал...

Слон слушает, а малыш рад стараться.

— Я все могу! Я все могу! — кричит малыш. — Могу вот так на руках ходить, а ты можешь? Могу вот так прыгать, а ты? Я могу перепрыгнуть через ту лужу и через эту! А вот так можешь?

Малыш лег на землю.

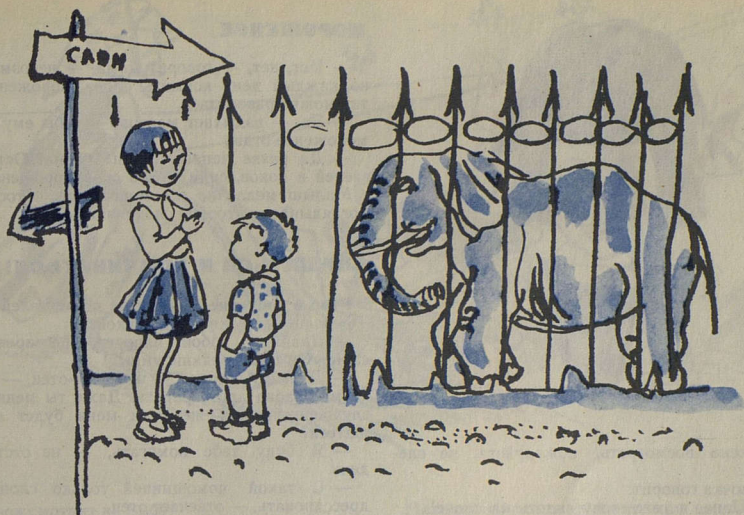
И вдруг слон, все время следивший за мальчиком, проделал то же самое.

— Можешь! — радуется Боба. — Тоже можешь! А вот так можешь?

Малыш поднимает ногу, и слон проделывает то же самое.

Малыш хочет, он в восторге, игра ему нравится и слону тоже.

Малыш ходит по кругу, и слон тоже ходит по кругу.

Малыш пугается назад, и слон с удовольствием его пугается назад.

Это их обоих забавляет. Все у них получается согласованно, просто, непосредственно, как бы само собой. Они играют. Малыш играет. Малыш все может.

ЧТО МОЖЕТ СЛОН?

— А, вот ты где! — прибегает Марина. — Я тебя ждала, ждала, а ты тут со слоном опять играешь.

— Отдай мою игрушку, — говорит мальчик.

Но девочка со смехом бросает игрушку слону и кричит ему:

— Ну, чего ты стоишь, толстопузый, кидай мне ее обратно!

Но слон не обращает никакого внимания ни на игрушку, ни на девочку.

— Ну, растяпа, неповоротливый, ему отдал, а мне почему не отдаешь?

Служитель слоновника входит в вольер слона, наливает в бочку воду. Это отец девочки.

— Ну, погоди! — кричит Марина слону. — Папа тебе сейчас покажет!

Отец хочет поднять игрушку, но слон набирает хоботом из бочки воды, обливает служителя, и тот выскакивает из вольера.

Девочка ругает слона, грозит ему, угрожает. Служитель подбегает к мальчику:

— Не болтайся тут около клеток и вольеров, уходи к своей маме, как бы чего не вышло! —

Он пытается схватить малыша, но тот ему не дается, и служитель бежит за ним вокруг вольера.

Вдруг слон хватает хоботом служителя и сажает его на дерево.

Мальчик прыгает, хохочет.

Девочка набрасывается на малыша, но слон берет хоботом мальчишку и осторожно сажает его себе на спину.

Сидит на слоне довольный малыш, болтает ногами, напевает песню, а слон хоботом подает ему игрушку.

— Ну как вы, дядя, там устроились? — спрашивает малыш.

— Держись за слона, не свались, — беспокоится за него служитель.

— Здесь легко держаться, ой, дядя! Тра-ля-ля! Тру-лю-лю! Ой-ля!

— Держись, держись, малыш! — кричит с дерева служитель. — Как тебя зовут?

— Боба, — говорит малыш.

— А между прочим, слона зовут Бобоша, — удивляется служитель, — какое совпадение!

— А как вас зовут? — спрашивает Боба.

— Меня звать Петр Васильевич, — отвечает служитель, чуть не свалившись с дерева. — Главное, Боба, не волнуйся, тебя снимут пожарники.

— И вас снимут пожарники?

— Я сам слезу, только ты старайся не упасть.

— А я и не думаю падать, — говорит Боба, — пусть вас тоже снимут пожарники, очень

интересно посмотреть, пожалуйста, не следуйте.

Девочка говорит:

— Папа, я тоже хочу сидеть на слоне!

Мальчик кидает ей игрушку:

— Поиграй, пока мы тут сидим.

— Тогда я хочу на дерево, — капризничает Марина. — Чтобы меня тоже сняли пожарники.

— Ой, как неловко здесь сидеть взрослому человеку, — вздыхает слушатель.

Малыш говорит слону:

— Снимем дядю, Бобоша?

Слон кивает головой, медленно приближается к дереву.

— Не надо! — кричит Петр Васильевич. — Не трогайте меня! Не надо меня трогать!

Боба говорит:

— Не бойтесь, он вас не смнет.

— Нет, нет, уж в таком случае пусть меня лучше снимут пожарники!

— Зачем вам ждать пожарников? — говорит малыш.

Слон приближается все ближе.

— А вдруг он посадит меня еще выше? — беспокоится Петр Васильевич.

— А вы не будете меня ловить? Тогда он вас выше не посадит.

— Что ты, что ты... никогда этого себе не позволяю... — Петр Васильевич поспешно спускается с дерева.

Малыш говорит слону:

— Сейчас, сейчас, попрошу еще у мамы мороженое, а потом мы с тобой вместе отправимся в кафе-мороженое, а потом... я буду директором фабрики мороженого, а потом... у нас будут горы мороженого, до неба, и мы будем с тобой по ним лазать и есть...

Слон осторожно опускает малыша, и Боба бежит к маме.

МОРОЖЕНОЕ

— Нет, нет, — говорит мама, — невозможно каждый день кормить слона мороженым, так можно разориться.

— Эх, — вздыхает малыш, — я бы ему все мороженое отдал.

— Да разве напасешься на слона! Оставь зверей в покое, сиди и ешь свое мороженое.

Малыш медленно ест мороженое, с тоской поглядывая в сторону слоновника.

СЛУШАТЬСЯ И ПОДЧИНЯТЬСЯ!

Утро в зоопарке, и нет еще посетителей.

У вольера служитель с дочкой.

— Давай с тобой, папочка, дрессировать слона. Он такой редкий, умный!

— Да что ты, дочка, — отвечает отец, — куда мне слона дрессировать! Даже ты меня не слушаешься, как же слон меня будет слушаться?

— Я буду тебе помогать, — не отстает дочь.

— С такой помощницей только слона и дрессировать, — отвечает отец.

— Ну, я тебя очень прошу.

— Да не собираюсь я этим заниматься и никогда не собирался! Ты ведь знаешь, что я не внушительной внешности. Что ты от меня хочешь в самом деле! Разве он будет меня слушаться?

— Будет, будет! Вот увидишь! — девочка прыгает вокруг отца, воображая себя дрессировщицей. — Когда я буду дрессировщицей, все звери будут меня слушаться!

Из-за дерева наблюдает за ними Боба. Они его не видят.

— Если я как следует постараюсь, — говорит Марина, — слон меня послушается! Все звери в конце концов должны меня слушаться и мне подчиняться! — она делает слону различные знаки, подает команды.

— Уймись ты наконец, — просит отец.

И вдруг слон заметил мальчишку. Моргнул. А мальчишка ему. Они-то понимают друг друга.

Девочка командует слону: «поднять ногу», в это время малыш, приложив к губам палец, чтобы слон его не выдавал, поднимает ногу, показывая слону, как выполнить трюк. И слон этот трюк выполняет.

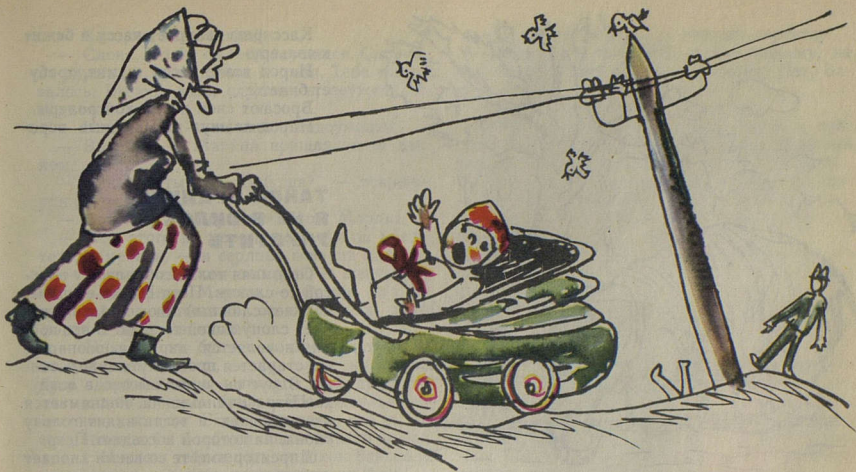
— Не может быть! — поражается отец девочки.

— Пошло! Пошло! Теперь пойдет! — радуется Марина. — Теперь вовсю пойдет!

И дальше, глядя на мальчишку, слон выполняет команды Марины.

Отец не верит своим глазам.

— А мальчишку нечего слушать! — кричит слону капризная Марина, — слушать только меня! Лежать!

Слон смотрит на Бобу.

Малыш ложится. Давится от смеха. Дрыгает ногами в воздухе.

Слон тоже ложится.

Марина радуется своему успеху, а Боба радуется, что можно поиграть в интересную игру.

ИГРА

Отец Марины всегда был человек нерешительный и неуверенный в себе. Никогда в жизни он бы не решился дрессировать слона. Но и он был поражен, глядя на то, что выделывает слон.

Вдруг он отстраняет дочь и со словами: «Ну, теперь я сам займусь слоном, раз такие чудеса!» — влетает в вольер.

— Сколько мы с тобой пробыли вместе, — говорит он слону, — а ты идешь на поводу у мальчишек и девочек. Не стыдно тебе идти на поводу несмышленейшей? Ты первым делом должен слушаться меня, раз на то пошло... Уважь хотя бы того, кто за тобой ухаживает... Ну, возьми у меня из кармана морковку...

Слон хоботом лезет в карман, но достает откуда не морковку, а связку ключей. Побренчал и отправил в рот.

— Что я наделал! Что я натворил! — Петр Васильевич хватается за карман. — Нам в дом не войти! Вечно мне не везет! Ах, Марина, это все ты виновата со своими трюкачествами...

Малыш подает слону знак, и слон возвращает ключи.

— Вот молодец! Спасибо тебе большое! — радуется Петр Васильевич и отдает слону морковку. — Уважил человека.

Мальчик показывает слону, как поклониться, — слон кланяется.

— Ты смотри, Марина, что делается, что творится! Он и мне подчиняется. Ну-ка, подай мне твою ногу, — обращается он к слону.

И слон подает.

Отец выскакивает из вольера, целует Марину.

— Меня даже слон слушается, — говорит он дочери, — ты понимаешь, что это значит? Это значит, что и ты должна меня слушаться во всем.

— Вот скажите, — обращается Петр Васильевич к мороженщице, — Анна Петровна, собственные дети вас уважают?

— А как же.

— Они вас во всем слушаются?

— Когда как.

— Ну вот видите! А меня даже слон во всем слушается. Пойдемте покажу.

— В другой раз, Петр Васильевич. Где-то тут мой сын запропастился.

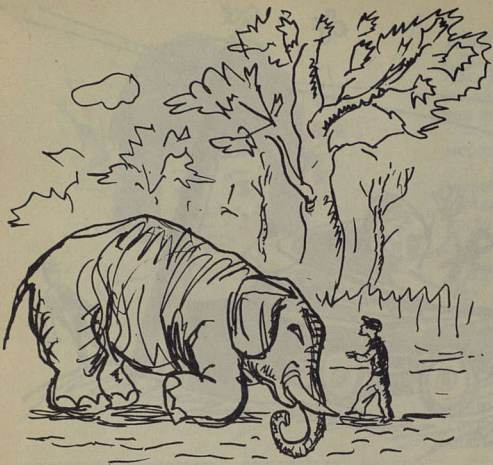
К ней подходит Боба.

— А тебе я не разрешаю подходить к вольеру! — строго говорит Петр Васильевич Бобе.

— Ну и не надо, — говорит Боба, и тут же убегает, прячется за свое дерево.

Петр Васильевич снова успешно работает со слоном, не подозревая о присутствии малыша. Опять незаметно для Петра Васильевича малыш то жестом, то шепотом подает слону команды, и это его забавляет все больше.

Создается впечатление, что мальчик разговаривает со слоном на непонятном никому языке.

Слон не сводит с мальчика глаз, с удовольствием выполняет все трюки. Ложится на бок, становится на две ноги, сидит, подняв одну ногу вверх. И вот Петр Васильевич становится на поднятую ногу слона под одобрительный гул и аплодисменты присутствующих.

ИНТЕРЕС

Толпа вокруг вольера растет. Бегут от других клеток и вольеров.

У кассы зоопарка длинная очередь, мальчишки лезут через забор.

Останавливаются у зоопарка трамваи, троллейбусы, машины, водители интересуются, в чем дело.

— Спокойно, товарищи, спокойно! — кричит милиционер, пробиваясь к входу. — Чего там происходит?

— Слон, говорят, разошелся.

— Да ну!

— Ходит, говорят, на задних лапах и песни поет.

— Безобразие! Разрешите!

— У вас нет лишнего билетика? У кого есть лишний билетик?

— Двадцать пять слонов, говорят, привезли, слышали? А потом пересчитали — двадцать шесть.

— Чтoб веселее всем было, вот чудак!

— А мне и так весело!

— Ну и катись отсюда, раз тебе и так весело.

— Напирай, ребята, нажимай!

Кассирша запирает кассу и бежит к вольеру.

Народ возле кассы шумит, требует билеты.

Бросают свои посты контролеры.

Народ хлынул в свободные ворота.

ТАКОЕ ЗРЕЛИЩЕ Я НЕ В СИЛАХ УПУСТИТЬ

Огромная толпа собралась у вольера со слонem. Петр Васильевич выполняет сложный трюк. Мальчик подает слону какой-то знак. В это время появляется директор зоопарка. Он старается проникнуть сквозь толпу. Вдруг он видит высоко в воздухе Петра Васильевича, поднимается на цыпочках и тогда видит голову слона, на которой восседает Петр.

Директор вместе со всеми хлопает в ладоши.

Рядом с директором оказывается милиционер:

— Цирк, товарищ директор! — говорит он восхищенно.

Толпа раскачивается из стороны в сторону милиционера и директора. Оба возбужденно и неистово хлопают.

— Bravo! — кричит кассирша, пробиваясь к директору. — Bravo!!!

Директор кричит тоже «браво».

— Все билеты проданы, — сообщает кассирша. — Что будем делать дальше?

— Идите к себе в кассу, а я буду звонить в типографию.

— Но я хочу досмотреть, — говорит кассирша, — такое зрелище я не в силах упустить.

НЕ НАДО ДРЕССИРОВАТЬ СЛОНА

Случайно обернувшись, малыш Боба видит сзади Марину, которая наблюдает за ним, и он как ни в чем не бывало делает невозмутимое лицо.

— Я видела, видела, я все равно все видела, — говорит Марина.

— Чего ты видела?

— Не скажу.

— Ты никому не говори, — просит малыш.

— Все равно не поверят, — говорит Марина.

— Почему это не поверят? — обижается малыш.

— Да где же это видано, чтобы слоны слушались таких малышей? Неужели ты не понимаешь, что это я его заставила?

— Кого, чего заставила?
— Слона. Чтобы он тебя слушался. Слон меня слушался, а ты думал — тебя. Тебе так казалось. Вы оба меня слушались, неужели непонятно?

— Непонятно, — малыш в недоумении.
— Вот так, — Марина прищелкивает языком.

— Как же ты мог, Бобоша?.. — искренне удивляется малыш.

— Вот так, — уверяет малыша Марина.

— Нет, этого не может быть. Ах он предатель, изменник, — в сердцах говорит малыш.

— И не играй с ним, не играй, — шепчет ему на ухо коварная Марина. — Оставь его, он вредный, он хитрющий, он обманщик, разве можно с таким водиться?

— Никогда не буду с таким водиться, — поддакивает малыш, — ну, слон, ну ладно, будь здоров! Теперь я никогда не буду подходить к тебе слишком близко. Все правильно написано на клетке. Если бы я знал, что ты такой, никогда бы к тебе слишком близко не подходил. Никто к тебе теперь слишком близко не подойдет, а я о тебе вспоминать не буду! — И Боба разбивает о вольер игрушку, которой раньше играл со слоном, и уходит прочь.

— Вот видишь, Бобоша, — кричит Марина, — какой у тебя друг! Вот как он тебя защищает, вот как он с тобой играет!

Представление со слоном прерывается. Разгневанный Петр Васильевич выбегает из вольера, чтобы наказать мальчишку, он думает, что Боба ему помешал, но сталкивается с директором.

— Вы видели, какие чудеса? — говорит он директору. — Поняли, какой у нас слон?

— Я ничего не видел, — неожиданно говорит директор и быстро направляется к себе в кабинет, Петр Васильевич идет за ним.

— Как не видели? Я сам видел, что вы видели!

— А что, по-вашему, я должен был видеть?

— Слона, боже мой! Цены ему нет, нашему слону! Он артист! Мне пришла в голову замечательная мысль...

— Ваша замечательная мысль раньше пришла в мою голову, — говорит директор.

Петр Васильевич не понимает, он очень удивлен.

— Вы хотите сказать, что слону место в цирке, а не в зоопарке, — говорит директор.

— Вот именно, конечно! — восторженно кричит Петр Васильевич. — Вы прямо прочли мои мысли, такой догадливый человек!

— Помолчите вы об этом, — говорит директор, — слону теперь покою не дадут. Неужели вы не можете понять, голубчик, что я не собираюсь расставаться ни с одним животным, зачем мне ваш цирк?

— Но вы же говорите, ничего не видели? — спохватывается Петр Васильевич.

— И видеть не хочу, — говорит директор.

— Пойдемте, пойдемте, я вам покажу, на что способен наш слон, — не отстает Петр Васильевич.

— Не пойду, — говорит директор.

— Но взгляните на мои способности, — припадает Петр Васильевич, — вы же отзывчивый человек, ведь я, может быть, здесь пропадаю... На меня-то хоть взгляните, на меня, — умоляет Петр Васильевич, — оцените же мой труд...

И директор сдается. Они возвращаются к вольеру.

— Встаньте здесь и вы увидите такое, что своим глазам не поверите! — обещает служитель.

В это время к нему подбегает Марина.

— Папа, не надо дрессировать слона, я тебя очень прошу.

— У тебя всегда новые капризы, — говорит отец. — Погляди лучше, как это делается, а потом маме обо всем расскажешь. — И Петр Васильевич уверенной походкой отправляется в вольер, но вдруг оборачивается: — Между прочим, моя жена, так же как и вы, Матвей Матвеевич, сомневается в моих способностях.

— Ничего у тебя не получится! — волнуется Марина. Она догоняет отца, виснет у него на руке, плачет.

— Оставьте вы в покое ребенка, — говорит директор, — и меня, между прочим, тоже.

Но Петр Васильевич отстраняет дочку.

— И дочь не верит! Ха! Смотрите!

Он обращается к слону:

— Оп! Поднять ногу! Оп! Оп! Ну? Оп! Оп!

Слон, не обращая внимания на команды, все время пытается пройти именно в ту сторону, где раньше прятался мальчик, не находит его там и все больше проявляет беспокойство.

Служитель старается изо всех сил добиться от слона каких-нибудь трюков.

Директор терпеливо наблюдает, скрестив на груди руки.

— Сейчас, сейчас, — успокаивает служитель, — это со всеми бывает, не только со слонами...

Что только ни делает Петр Васильевич со слоном, чтобы заставить его повторить хоть какой-нибудь жест, он дает ему даже ключи, но слон и на ключи не реагирует.

— Что ты меня перед начальством позоришь?.. эх, ты... как ты можешь... тфу! Ну как ты можешь! Э-эх!..

— Ну? — говорит директор зоопарка.

— Может быть, он вас стесняется, Матвей Матвеевич?

— Скорей всего вас, Петр Васильевич, — отвечает директор.

— Не спрятались ли вам где-нибудь на минуточку, Матвей Матвеевич?

— Это еще зачем?

— Чтоб он вас не стеснялся.

— Никуда я не буду прятаться, вот еще не

хватало! — возмущается директор. — С какой стати мне прятаться?

— Спрячьтесь, Матвей Матвеевич, я вас умоляю, может быть, тогда мы увидим все эти чудеса.

— Мне ваши фокусы надоели! — говорит директор. — Теперь я за слона спокоен, — и уходит.

Растерянный служитель выбегает из вольера, пытается догнать директора, остановить его, потом с досады Петр Васильевич машет рукой и тут видит свою дочку, которая тем временем танцует возле клеток, воображая себя дрессировщицей.

— Ведь я тебе говорила — не надо дрессировать слона, — говорит Марина отцу.

И они уходят из зоопарка.

А МЕЖДУ ТЕМ...

А между тем... Дверь слоновника осталась раскрытой...

СОН

Бобе снится сон. Он играет со слоном.

— Не обижайся на меня, Бобоша, давай опять с тобой играть, — говорит Боба слону. — Самое интересное — играть там, где не разрешают, давай кататься в лифте!

Слон пытается влезть в лифт.

— Давай, я буду ехать, а ты будешь по лестнице бежать, — говорит Боба слону. Залезает в лифт, хлопает дверью и кричит:

— Начали!

Слон бежит по лестнице, а малыш едет в лифте. На площадках они встречаются взглядами, моргают друг другу. Боба всюду хохочет.

От страшного топота слона раскрываются двери квартир, высовываются мама, Петр Васильевич, Марина, директор. Но, увидев слона, сейчас же исчезают.

Наверх Боба и слон поспевают одновременно.

— Давай еще! — кричит Боба. — Теперь вниз!

На верхней площадке слону не развернуться, и Боба ему помогает, изо всех сил старается протолкнуть. Им вместе это удается. И, сотрясая лестницу, они мчатся вниз — один в лифте, другой по лестнице.

— Опять этот мальчишка из четырнадцатой квартиры безобразничает на лифте! — раздаётся голос на лестнице, и слон, как маленький проказник, испуганно жмется к стене.

— Ага, опоздал! — кричит малыш снизу.

— Ух, я боюсь тут бегать, — отвечает слон.

— Самое интересное, — говорит Боба, — играть там, где не разрешают...

НОЧЬЮ

Ночь. Слон беспокоится в вольере. Ходит, потом выходит прямо в раскрытую дверь.

Первым делом он тщательно осматривает то место, где днем прятался Боба. И там его не находит.

Слон ищет Бобу по зоопарку. Дразнит верблюдов в клетке, хлопает по горбам, толкает, потом идет к молочному буфету, учуяв лакомый запах, разбивает витрину.

Находит лотки «мороженое», открывает их, смотрит, что там внутри, катает и переворачивает.

Смотрит на тигра в клетке. Тот рычит и бьет лапой по решетке. Слон, сочувствуя, сбивает с его клетки замок. Но тигр ничего не понимает и с ворчаньем укладывается в угол.

Слон подходит к воротам. Ломать их не стал. Но осторожно снимает двери с петель и кладет рядом.

Идет по тихой ночной улице, пощипывает листья с кустов и деревьев, выходит на проезжую часть.

Проносится мимо рефрижератор, шофер сначала помахал слону, высунувшись из кабины, потом смотрит вслед уходящему слону, чешет затылок, качает головой.

Идет поливочная машина.

Шофер при виде слона в ужасе выскакивает из машины. Из остановившейся машины бьют струи. Слону хочется пить, он подходит, с удовольствием пьет из струи, обливается сам. Набирает хоботом воду и поливает. Из-за угла глязет на слона перепуганный водитель. Потом он принимает решение, резко выскакивает, садится в машину и уносится на бешеной скорости. Слон обиженно качает хоботом вслед машине.

Поливочную машину останавливает милиционер. Шофер еще не опомнился от впечатления:

— Там слон... — твердит он.

— И в таком состоянии садятся за руль! — возмущается милиционер и отбирает у водителя права.

А слон шагает дальше.

РАНО УТРОМ

Рано утром приходит малыш к вольеру. Но где же слон? И в зоопарке многое изменилось: не на месте мамин ларек, буфет опрокинут, на земле лежат ворота...

В который раз вбегает малыш в пустой слоновник, не верит, что и там нет его друга.

В отчаянии Боба ищет слона по всему зоопарку, заглядывает в места, где слон и поместиться никак не может.

Ходит малыш одинокий по пустому вольеру. Вспоминает игры со своим любимцем.

— Выходи оттуда! — кричит ему Марина. — Чего ты там бродишь, когда слон давно сбежал!

— Наверное, слона повели гулять, — говорит малыш, — и скоро он вернется к себе домой.

— Нет, слон из-за тебя сбежал, из-за тебя, — говорит Марина, — ты во всем виноват! Ты ему нагрубил...

— Да, да, да... я во всем виноват... все ведь из-за меня... я его обидел... это я...

— Все ты, все ты, — твердит Марина, — и зачем ты тут вообще появился!

— Слон теперь не вернется... он никогда не вернется, я так обидел его... — переживает малыш. — Как быть? Что мне делать? Не нужно мне было на него обижаться. Откуда я знал, что он так на меня обидится?

— Вот, и ничего теперь не сделаешь, — подначивает его Марина.

У малыша на глазах слезы. Он рисует мелом на полу слона. Вдруг решительно встает, вытирает слезы и заявляет:

— Раз слон из-за меня сбежал, я сам пойду его искать и приведу обратно.

— Но ведь он тебя не слушается!

— Да, да, как же тогда я его приведу, раз он меня не слушается? — и малыш еще сильнее заливается слезами.

— Успокойся, — говорит вдруг Марина, которой стало стыдно, — не плачь, ведь все из-за меня... — и вдруг тоже начинает реветь.

— Да успокойся, ты здесь ни при чем, — говорит малыш.

— Я все наврала, — говорит Марина. — Я тебя обманула: слон никогда меня не слушался, просто я очень мечтала его дрессировать...

Они оба плачут, каждый о своем.

— Ах, зачем же ты это сделала!.. Зачем? Слон никого не будет слушаться, не будет ни с кем играть.

— Будто с ним играть собираются! Возьмут его и приведут.

— Как же они его приведут, если он не пойдет?

— Они ему покажут, как не слушаться! Милиционеры веревками свяжут и на машине привезут.

— Ах, вот что они собираются делать с моим слоником! — и малыш резко вырывается от Марины.

— И я с тобой, — говорит Марина.

— А ты знаешь, куда я иду? — говорит малыш.

— Будто не знаю — за сломом.

— Ты за мной не ходи, — говорит малыш.

— А я пойду.

— А я убегу.

— А я догоню.

— Не догонишь.

Малыш припускает во весь дух, но Марина его быстро догоняет.

— Что это ты за мной бегаешь? — говорит запыхавшийся малыш.

— Чтоб ты не хвастался.

— Уйди! — Боба наступает на нее с кулаками, и она отходит назад, но как только он поворачивается, сейчас же идет за ним.

— Уйди! — грозит он ей. Но она не обращает внимания и продолжает за ним идти.

— Если ты будешь за мной плестись, я никуда не пойду, — говорит малыш и садится на скамейку.

— И я никуда не пойду, — отвечает Марина и тоже садится.

— Ну, я пошел, — говорит малыш и встает.

— И я пошла, — говорит Марина и тоже встает.

— Ты прилипло! Прилипло! Прилипло! — вдруг кричит ей Боба.

— Я сейчас всем скажу про тебя! — грозит она и, обидевшись, уходит прочь.

Окончание следует

МЕСТОИМЕНΙΑ

— Почему актеры, народ часто неживучий, так преданы своему предводителю, автору комедий Мольеру?

На этот вопрос парижские актеры обычно отвечали так:

— Потому, что наш Мольер очень вежливо употребляет местоимения. Когда наш новый спектакль принят хорошо, он радостно восклицает: «Друзья мои! Мы имеем успех!», —

а когда нас освищут, — увы, и так изредка бывает, — выдыхает: «Я потерпел поражение!»

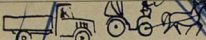
НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Древнеримского писателя и общественного деятеля Катона кто-то из род-

ных упрекнул в том, что он на старости лет вдруг взялся изучать греческий язык.

— Лучше быть старым учеником, чем старым неучем, — возразил Катон.

Здравствуй, дорогая редакция!
Пишет вам Мулюкова Марина.

Я хочу стать шофером, я даже уже научилась водить машину, но мне сказали, что девочки и девушки не могут быть шоферами. Разве это так?

ТЕТЯ ТОНЯ ЗА РУЛЕМ

С. Юрьева

Я не раз слышала, как ругали женщин-шоферов. Махнут при этом рукой: что, мол, с нее взять, женщина... Эти разговоры и на меня, видно, подействовали. Если рядом шофер мужчина — сиюж как нормальный пассажир. А если за рулем женщина — ничего не могу с собой поделать, все время как бы дублирую ее: и за знаками слежу, и за пешеходами, и нога механически на тормозную педаль жмет... То есть не на педаль, на самом деле под ногой у меня нога. Знаете как неприятно — жмешь, жмешь, а машина не слушается. Конечно, она шофера слушается. А я нервничаю. Никакого удовольствия от поездки нет.

Почему все-таки считают, что женщина не может быть хорошим шофером?

— И я так думала, — говорит Антонина Григорьевна Устинович. — Вон как раз видно на том берегу завод «Арсенал». Видите? Я туда бы пошла работать шлифовщицей...

Это мы от Главного почтамта едем. В голубом «Москвиче-408». На его дверце написано «СВЯЗЬ». Тетя Тоня собирает письма из почтовых ящиков. Я говорю «тетя Тоня», хотя она мне вовсе не тетя. Просто пока мы стояли у почтамта и я направиалась в рейс, слышала: ее так многие звали.

Наш маршрут называется «третий смольнинский» — тридцать четыре почтовых ящика. От почтамта поехали мимо Исаакиевского собора на набережную Кутузова — там

первый ящик, остановка. Тетя Тоня берет в руки пустой мешок с металлической рамкой, подставляет его под ящик. Быстро щелк-щелк туда и обратно, мешок в машину, сама за руль — поехали дальше. До Смольного останавливались почти в каждом квартале, а по Суворовскому поехали без остановок — там ящики другого маршрута. Дальше опять пойдут наши.

Можно ли себе сейчас представить школьника, который никогда в жизни не видел автомобиля? Думаю, что нет, в каком бы далеком уголке он ни жил.

А Тоня первый автомобиль увидела в пятнадцать лет, когда после семилетки уехала из деревни. И вот спустя три года она командовала перекрестком в Ленинграде!

В то время легковых машин было не так уж много. «М-1», или как их называли — «эмки», большие семиместные «ЗИС-101», чуть-чуть «линкольнов» и «бьюиков», — а здесь, на Тонином перекрестке, в основном, трамваи, автобусы, грузовики.

Гудящие, ревушие, звенящие, они пронеслись мимо, и казалось, вот-вот сшибут. Спокойнее было стоять возле уголовного дома и вертеть ручку ящика с козырьком. Каждый поворот ручки менял в окошке ящика цвет — с красного на желтый, потом на зеленый. Но «вертушка» надоедала, и Тоня постепенно привыкла стоять без замиранья сердца в центре перекрестка.

Стоим у площади Восстания под красным сигналом светофора. Долго стоим — наверно, очень много транспорта по Лиговке пропускают.

— На этой самой Лиговке, только левее, у перекрестка с Растанной, я и регулировала уличное движение, — говорит Антонина Григорьевна.

Шоферскую свою жизнь она начала поздно, в дни войны.

Дали ей развалившуюся полуторатонку и велели отремонтировать. Конечно, помогал слесарь, но все равно... Представлял себе: холодный гараж, большая грузовая машина, знакомая после курсов не очень подробно, и девятнадцатилетняя девочка на разборке. Шоферы в те годы старались избежать на бензиновых автомобилях и переходили на газогенераторные, потому что бензина было мало, а газогенераторные заправлялись маленькими деревянными чурками, и можно было ездить столько, сколько надо. Бензина тогда выдавали определенное количество, а как израсходовал — сиди в холодном гараже и коли чурки для газогенераторов, пока не начнется новый месяц и не получишь свою норму бензина.

Снова пошли ящики нашего маршрута, едем от Суворовского до площади Александра Невского.

У Александровско-Невской лавры обьежжаем площад. Впереди идут двое, разговаривают себе спокойненько, как будто под ногами у них не мостовая и нет здесь никакого транспорта... Раньше можно было погудеть. А сейчас, как вы знаете, гудки запрещены. Шоферам приходится придумывать всякие хитрости. Выжимаешь, допустим, сцепление и прибавляешь газ. Машина рычит, как будто бы на большой скорости, а на самом деле идет медлен-

нее. Действует отлично — быстро освобождают дорогу. Антонина Григорьевна тоже, слышу, сделала такую маленькую перегазовку.

Едем мимо нового моста через Неву. Большой мост, красивый. Теперь до правого берега по нему добраться — пара пустяков.

Правый берег... По этому берегу в военный Ленинград проникла жизнь. Очень много известно о блокированном героическом городе. Но когда встречаешь живых свидетелей тех времен, разговариваешь, то каждый раз узнаешь что-то новое. Это потому, что не бывает у всех все одинаково. Вот и сейчас тетя Тоня мне рассказала, как возила по правому берегу на ладожские лесозаготовки автол, бензин, керосин, продукты. Новым и неожиданным для меня оказалось, что лес на Ладоге заготавливали не для Ленинграда — его отправляли дальше. Холодный, голодный, осажденный город считал, что где-то этот лес еще нужен!

Ладожские рейсы не забудешь. Кабина не отапливалась, стеклоочистителей не было. Трудно повернуться, трудно управлять машиной, потому что, спасаясь от холода, надела на себя «дешевые одежки». Ветер продувает кабину, стекло обмерзает. Мешочек с солью всегда возили с собой. Протрешь солью стекло, оно оттаяет, снова видна дорога. Но хватало ненадолго, приходилось довольно часто останавливаться и протирать. Бывало, снега намело столько, что и дорогу не узнавала. Тогда отправлялась пешком в ближайший колхоз за помощью. Приходили несколько человек, разгребали лопатами, а потом снова намело...

Но вот кончилась война. Вернулись домой мужчины-шоферы, и Тоня решила перейти на более «женскую» работу, на завод.

Работала себе спокойно на заводе, и никаких особенных забот вроде не было, а чего-то ей не хватало...

В городе в это время уже было много легковых машин. Появились и такси: сначала маленькие трофейные «ДВБ», а потом «Победы».

Антонина иногда хотела подойти к какому-нибудь шоферу и попросить: «Дай поводить немного...» Знаете, как ребята просят велосипед или самокат: «Дай покатайся». Если мальчишка не вредный, даст тому, у кого своего нет. Но автомобиль? Тоня понимала, что это невозможно. И она просто завидовала.

Завидовать, говоря, нельзя. Плохо это. Но, наверное, Тонина зависть была хорошей, если она вернула ее к автомобилю, к работе, которая окан-

залась для нее самой любимой. Пусть трудной.

На стене висят два ящика — красный и синий. Антонина Григорьевна берет две «рамки». «Рамкой» называется мешок для писем. Под красный ящик — красная «рамка», чтобы не перепутать. Туда собирают письма только местные, по Ленинграду.

Я тоже вышла из машины. Мне давно хотелось узнать, как ящик писем отдает. Медленно, чтобы мне было видно, тетя Тоня ведет полозья по специальным углублениям. Вот полозья по дороге нажали на выступы, дно полностью откинулось и посыпались письма. Это хорошо видно через окошко в мешке. Можно в это окошко просунуть руку и помочь, если письма зацепились. Мешок сразу обвис от писем, ящик пуст. Рамку на себя — дно на место, закрыто.

Возле Московского вокзала всегда много писем. Я помогаю переложить их в машине в обычный большой мешок. Он лежит в кузове и постепенно наполняется. На почту его приходится нести, перекинув через плечо. Тяжелый!

— Я раньше ездила по другому маршруту и много лет собирала письма из ящика на Таврической улице, дом тридцать семь, где помещается редакция журнала «Костер». Вот где писем много было! Ящика не хватало. Иногда выходил мужчина в очках и еще добавлял. Он уже знал, в какое время я подъезжаю, и дежурил у окна.

Да, писем и сейчас из «Костра» отправляется много. Кстати и ответ на письмо Ларисы Мулюковой тоже отправился из этого ящика: тот ответ, где было написано, что журнал обязательно расскажет о шофере-женщине.

Едем, и останавливаемся, и опять едем. Скоро конец маршрута. Чего-то наш автомобиль несколько раз «чихнул». Как

человек, прежде чем чихнуть, затаит дыхание, так и он замирает, никакой жизни в нем не слышно, задохнулся, приостановился, потом «чих» и «задышал» нормально, поехал. А на набережной несколько раз дернулся подряд. Тетя Тоня выключила двигатель, достала насос, открыла капот. Так и есть. Надо продуть жиклеры в карбюраторе. Жиклеры — это тоненькие каналы, по которым поступает в карбюратор бензин. Там бензин смешивается с воздухом, получается горючая смесь. Засорился жиклер — не хватает бензина. Иногда соринка проскакивает, тогда и получается «чих». Теперь, видно, застряла. Но вот уже насосом продукты жиклеры, двигатель работает ровно. Поехали дальше.

Я смотрю, как бесшумно тетя Тоня включает скорость, дает чуть-чуть газу — плавно двигается с места. Заранее просматривает перекресток — не приходится резко тормозить. Все движения спокойные, уверенные.

— Теперь и в автоинспекции уже знают, что женщины справляются не хуже мужчин, — говорит Антонина Григорьевна. — А как подсчитали аварии, так даже с женщинами их меньше случается.

Мы снова у почтамта. Шесть раз в день отсюда точно в назначенное время разъезжаются по своим маршрутам «Москвичи».

Вышли из машины, и я только собралась сказать Антонине Григорьевне, что совсем не волновалась, сидя рядом с ней, и что теперь никакими разговорами о «неженском» труде меня не собьешь с толку, — но не успела и слова вымолвить, как услышала:

— Те-е-е-я! То-о-о-о-ня-я! Помогите, пожалуйста! Не заводится никак. Не пойдем, в чем дело...

У поднятого капота возились три парня. Не ладилось у них без тети Тони. Вот так-то!

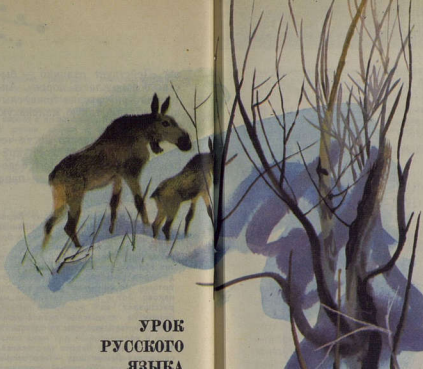

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Интересно слушать рыбу жизнь через подводящий стетоскоп. Он устроен, как врачевский: трубка с раструбом, а внутри — пленка-мембрана.

Простенький стетоскоп можно самому сделать: трубку взять любую, какая есть, только подлинней, и натануть на ее конец резинку от воздушного шарика.

Декабрьской ночью, если опустить стетоскоп в полынью, услышишь странное постукивание и гудки. Это загугали, заистерелись малыши. Как только появятся заберлоги — слушайте песню шук: рокот и потрескивание. В начале мая залопот — туп-туп-туп! — окуни, а за ними пиксилю и хрипло затанут песню плотвицы. Певцов под водой много: дело за вами, за слушателями.

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

Вечер тихий-тихий. И слышу я: — Тррр! Тррр! — будто сухарь мышь грызет.

Ползу на звук. До осинового пня дополз. Кора на пне ободрана, и на нем оса. Сидит и вовсю челюстями работает: тррр! тррр!

— Зачем она пня грызет? — удивляюсь. И тут же догадываюсь — для гнезда. Собирает строительный материал. По цвету осиное гнездо с сухой осиной схоже. Одна догадка рождает другую.

— Оса, осиный, осина, — шепчу я. — Да это же слова одного корня! Так в лесу состоялся урок русского языка.

А. Зимиц

ОСА ОСИНЬИЙ ОСИНА

ДЕРЕВЬЯ- ПАСТБИЩА

Громадные лиственницы заняли весь склон горы, но стоят они далеко друг от друга. Почти у каждой лиственницы сбоку на земле темно-зеленое пятно: уж не муравейник ли около дерева?

Предположение оправдалось: зеленые пятна рядом с лиственницами — муравейники. И каждый окружен высокими травами. Но как стары эти муравейники! У некоторых пологий земляной холм в диаметре около четырех метров.

Почему муравейники только возле деревьев? Даже у старых пней можно разглядеть их остатки. Спалили дерево, и муравейник исчез, муравейник не смог жить без него.

Всюду от муравейников к деревьям тянутся омыленные тропы, и по столам снуют муравьи. На вершине каждой лиственницы находятся колонии тлей. Молоко тлей — главная пища муравьев из этих муравейников.

Давно, видимо, связали муравьи свою жизнь с лиственницей, и каждый муравейник стал обладателем собственного дерева. Древа-пастбища.

П. Мариковский

Здравствуй, дорогая редакция! Я очень люблю природу и каждое лето провожу в деревне. Часами я пропадал в лесу, но не для того, чтобы наломать рябины, нарвать ягод, грибов. Я просто хожу смотреть на природу и слушаю ее. Я даже за все лето (поварить мне) не успевал даче пасхаска. Подростки же не понимают меня и каждый день приносят по огромному букету полевых цветов. На следующий день этот букет лежит на помойке. Конечно, никто не может запретить рвать полевые цветы, но мне кажется, что цветы красивые в поле, на луку, чем дома в вазе. У нас под крышей очень много гнезд жаскочек. Когда птицы начинали улетать, то иногда из них уставали и падали на лету. За лето мы подобрали и посадили в гнезда тридцать шесть птенцов. Когда мы ходим в лес, то находим иногда голодных, озлобленных котят. Их выбросили беспечные хозяева. Вот как платит человек животным за пользу, аска! А сколько мы приоткрыли собак, которых избивали мальчишки! Очень много.

С пионерским приветом Тина С.
ст. Погопало
Рязанской обл.

В ЗАПАДНЕ

Я шел по лесу. То и дело попадались разрушенные землянки, полузасыпанные траншеи да деревья, изуровнованные снарядными.

Вдурю около меня раздалась треска. Подняв голову, я увидел продравшуюся сквозь кусты лоску. Посмотрел ей вслед и продолжал свой путь. Но вскоре опять послышался шум, и я снова увидел знакомую лоску. И так повторялось несколько раз.

Вышел на полянку — и тут лоска! А около ее ног голова лоскина!

Ничего не понимая, я стал осторожно к ним приближаться. Лоскина отошла в сторону и смотрела на меня настороженно. Подойдя, я увидел, что лоскин сгинула в узкую траншею.

Вытащил лоскина наверх. К нему сразу же подошла мать, обнюхала его, шумно раздувая ноздри. И они не торопясь пошли в глушь леса. А я остался — и завалил траншею сучьями и валежником.

П. Мочалов

Рисунки
А. Азиева и А. Харина

ЗЕЛЕНЫЕ*

Раздел ведет
писатель Н. Сладков

Весенняя встреча

СЕРИЯ 11

Говорит народная артистка СССР Тамара Макарова.

Наша афиша. Новый фильм.
Выполняем вашу просьбу.
ПОЧТА КИНОКЛУБА.

АРТИСТЫ КРАСИВЫЕ И НЕКРАСИВЫЕ

Как вы считаете, Тамара Федоровна, нужна ли актерам кинематографа привлекательная внешность?

Да, нужна! Ведь искусство кино несет нам в первую очередь зрительные образы, поэтому не следует заполнять экран невыразительными (подчеркиваю: не некрасивыми, а невыразительными) лицами.

Ира Хуснутдинова из Москвы написала:

«...режиссер прочел очень интересную сказку и решил поставить по ней художественный фильм, но в сказке есть такие действующие лица, как например Баба-Яга или злая маче-

ха, и вдруг оказывается, что играть их некому (все актеры красивые) и поэтому фильм поставит невозможно. Ведь не будет же красавица артистка играть Бабу-Ягу!»

Не думаю, что красивая актриса не сможет сыграть Бабу-Ягу. Сможет! Специальный пластический грим превратит

красавицу в колдунью! Другой вопрос, что колдунье вовсе не обязательно быть уродливой. Разве в жизни плохой человек обязательно страшен внешне? Нет, конечно!

Однако сама по себе красивая внешность ничего не стоит в искусстве. Это понимают почти все ребята, написавшие в ваш киноclub. Как хорошо рассуждает об этом Ирина Г. из Элисты Калмыцкой АССР:

«Вот, например, фильм «Ромео и Джульетта». Мне кажется, он намного бы проиграл, если бы героев играли не красавцы О. Хасси и Л. Уайтинг, а некрасивые ребята. Потому что возвышенное всегда прекрас-

но. Но этот фильм тоже проиграл бы, если герои были бы только красивыми. Фильм интересен, потому что актеры играют талантливо, как говорят, «не видя камеры». И Чарли Чаплина любят не за красоту, а за талантливую игру».

ВОТ ТУТ МЫ И ПОДОШЛИ К ГЛАВНОМУ ВЫВОДУ, КОТОРЫЙ ДЕЛАЮТ МНОГИЕ РЕБЯТА:

«...с одним красивым лицом артистом не станешь. На съемочной площадке актер должен не красоваться, а работать. Работать и еще раз работать! До тех пор, пока он не войдет в свою роль и не будет жить ею. Но тот, кто будет павать перед трудом, искать легкого пути, никогда не станет артистом, каким бы стройным и красивым он ни был» (Соколов Сергей, Красно-Буйск Тульской области).

«У него (артиста) должно

куство, тем больше требуется от актера и профессионального мастерства, и глубокого человеческого содержания.

Часто актера воспитывает сама роль. Я сыграла уже во многих фильмах, когда стала сниматься в роли колхозницы Груни в «Учителе». Моя героиня читала статью Энгельса «Христианская война в Германии», а я не читала! Выходит, я отстала от своей героини? Пришлось догонять Груню!

Мне постачивалось создавать на экране образы передовых советских женщин. Те идеалы, которые несли в себе мои героини, крепили и во мне

все хорошо! А она уже подумывает об аспирантуре.

Тамара Федоровна, в некоторых письмах авторы их признаются, что сами, как и поруга Вали П., мечтают стать актерами, актрисами. Что вы можете посоветовать им как педагог?

Летом прошлого года, как обычно, проходил прием во ВГИК. На актерский факультет подали заявления около семисот человек. И что же? Пришли на экзамены девушки и молодые люди, не отдающие себе отчета в том, что такое киноискусство. У большинства отсутствовало чувство самокритики, но зато присутствовала уверенность, что каждый может быть актером. Это глубокое заблуждение! Актерские данные — это специфические свойства человеческой природы. И не каждый этими свойствами обладает! Разве может каждый стать космонавтом? Или хирургом? А хоккеистом? Теперь любой мальчишка знает, что хоккей — это быстрота реакции, сила, выносливость, комбинационный талант. И не все эти качества вырабатываются на тренировках. Некоторые врожденные: у одних они есть, у других — нет.

Проверьте себя! Актер не может не играть! Попытайтесь осуществить свои намерения — играйте в школьных спектаклях, любительских фильмах, на утренниках и в пионерских лагерях.

И лишь тогда вы сможете понять, стоит ли пытаться...

Да, чем значительнее образ, который надо воплотить в ис-

Прошлым летом в Крыму вырос город. Старинные замки были сложены из кушанов, городские ворота, если внимательно к ним присмотреться, оказывались живописным натюрмортом банок из-под кофе и бутылоч, а торжественные подмостки — цветочными корзинами, перевитыми вверх дном. Машинами в этом городе служили ящики для хранения овощей и фруктов, поставленные на колеса, первыми были изобретены разрозненные в высоту укроп и чеснок.

Здесь снималась сказка. Впервые дети нашей страны познакомились с этой сказкой, которую напел итальянский писатель-коммунист Джанни Родари, в начале пятидесятых годов.

Режиссер Тамара Лисицкая задала чудесную сказку на экран. Несколько лет назад при участии автора литературного перевода «Чиполлино» Самуила Яковлевича Маршакса она написала киносценарий. Многие в картине придают значение в календаре. Вы видите не только сказочную страну овощей, но и настоящую Италию. Несколько раз экран будет разделен на две части, и борьба добрых и злых Чиполлино перейдет на улицы сегодняшнего Рима.

Автор «Приключений Чиполлино» Джанни Родари дал согласие участвовать в съемках — он будет исполнять роль сказочника.

Н. Карасик

Здравствуйте, дорожка редакция! С приятием Гончарико Зоя, ученица 6-й класса. Я смотрела фильм «Гропы бескорыстной любви», и он мне очень понравился. Расскажите, пожалуйста, о мальчишке риси, которого лесник напел в лесу, о собаке и о петухе, которого задушили риси.

Зоя
Кокетаская область, с. Рузавка

«ВРЯД ЛИ ОН К ВАМ ПРИВНЕК», — сомневались скептики.

Актёр на студии — дело привычное. Но на исполнителя главной роли в фильме «Гропы бескорыстной любви» приходилось посмотреть толпам. Актёр-то необычный: из двухнедельного рисонка из рисунка зоопарка. Назвали его, как и героя фильма, Кунаком.

Велико искушение потерять мальчишку, но работники студии твердо знали: — у зверя должен быть один хозяин — дрессировщик. И вдруг режиссер картины Агас Аргутинянц Бабаши отдаст распоряжение: все, кому хочется поласкать рисенка, могут это делать беспрепятственно.

Бабаши решил: надо не дрессировать, а воспитывать рисенка. Пусть привыкает к людям.

Вскоре мальчик только добродушно мырнулся, когда у него чешали за ухом. Однажды, проснувшись, он обнаружил на полу кучу пластмассовых мячинок. Потрогал их гремел! Испугался. Цануя другой — тоже гремит! Спасся за ступом. Но через некоторое время — куда делалась робость — хрюбо гоня по полу разноцветные погремушки. А люди радовались — рисонек перестал бояться грохота, значит, не слышит можно свободно работать шумной рукой киноактера. Чтобы закрепить успех, кто-то посоветовал провести в комнату, где жил мальчик, радио. С тех пор Кунак слушал все передачи — и «Угадайку» и «Для тех, кто не спит».

«ХОРОШО, ЕСЛИ УДАСТСЯ СНЯТЬ ХОТЯ БЫ ПЯТУЮ ЧАСТЬ ТОГО, ЧТО ЗАДУМАНО», — говорили скептики.

Убирая собаку съёмки киноактеру Анатолию Михайловичу Кунаку, оператор фильма нечаянно опустил шнур на кончик кудрявого рыскающего — на самое узкое место в съемном месте. В мгновение ока хищник, до этого прекрасно относившийся к Кунаку, был на его груди. Острые когти царапали кожу сквозь толстую палитку. Кунак замер. Через несколько секунд рысь спрыгнула и равнодушно ушла. Свидетель этой сцены, среди которых были и фотографы, оцепенели от ужаса.

— Эх, вы! — с обидой сказал нам Кунак. — Такой кадр упустили!

ВЫПОЛНЯЕМ ВАШУ ПРОСЬБУ

ПОБЕДИТЕЛИ СКЕПТИКОВ

Все опасные эпизоды режиссер Бабаши сначала проверял на себе. Входя в клетку, подставлял собственную спину, когда репетировались прыжки риса на бронированье.

Даже в тех случаях, когда съёмки не грозили опасностью, работать было нелегко. Есть в фильме поразительный кадр — потеря верного друга, Кунак стоит на его могиле и скорбно смотрит в землю. Этот кадр вызвал ассоциации не только зрителя, но и специалистов-операторов. Кунаку заведомо: «Позово тебе, с первого дубля снял такой взгляд!»

Да, можно считать, Анатолию Михайловичу необычайно повезло. Если не брать во внимание, что полюбился змеи-

ный кадр на одиннадцатый день съёмок этого эпизода. Любовь людей к животному, их упорство и отвагу сделали свое дело — все в фильме удалось снять так, как было написано в сценарии.

«ЗАПРЕЖДЕ ЭТА СОБАКА ВАШЕГО КУНАКА», — предупреждали скептики.

Собаку для съёмки предложил охотник из Архангельска. Таинский охотник-дрессировщик обычно имеет дело с воспитанием тысяч собак. Из них одну, самую-самую умную и талантливую, оставляет себе. Этой одной из тысячи и была Тайга (ее кличка перешла к герою).

стоящему страдала от негостости чужинского котика. Но не тронула его.

Прошел месяц. Умница собачка привыкла к зверю и даже стала оберегать маленького от посягательств забияки-петуха. Кстати, о петухе. В титрах фильма зрители читают: «Три съёмки этой картины не погубило ни одно животное». Не догадывают: «А как же петух? Мы сами видели, что Кунак его растерзал!»

Когда пришлось снимать эпизод петушиной смерти, все мысленно попрощались с драчуном. Включили кинокамеру. Рысь бросилась на петуха и быстро задушила его. Что делать дальше, не зная, — скажись жизни в новосте. Один из работников, уловивший безданный телозабияк, заметил, что птица моргает. Оказалось, от страха перед рысью петух — упал в обморок.

Сняли еще дубль. Опять петуха в обмороке. И так не раз: петух искусно терял сознание, когда рысь готова была разорвать его. Такой замечательный артист должен жить, решили кинематографисты, и после съёмок отправили петуха на звериную кинобазу. А в сцене его «чужбин» крупным планом слышно чучело.

«ДА, ЭТО ОТЛИЧНЫЙ ФИЛЬМ», — согласились даже скептики.

Фильм вышел на экраны. В кинотеатрах, автобусах и метро пассажиры обсуждают судьбу Кунака. Маленькая девочка, которую уверяют, что собака погибла, поноршует, плачет в ответ: что вы! Я сама видела ее могойну!

А в это время Тайга выслеживает в лесу очередного медвежонка.

— Рысь по кличке Кунак спокойно живет на звериной кинобазе в поселке Петуших Владимирской области.

— режиссер Агас Аргутинянц Бабаши и оператор Анатолий Михайлович Кунак работают над новым фильмом, главным героем которого должен стать медвежонок.

«ХОРОШО, ЕСЛИ УДАСТСЯ СНЯТЬ ХОТЯ БЫ ПЯТУЮ ЧАСТЬ ТОГО, ЧТО ЗАДУМАНО», — опять сомневаются скептики.

Пусть сомневаются на здоровье!

М. Павлова

Я видела фильм «Неуловимые мстители». Мне понравилось, как все ребята привели к рыси на кинобазу. Этой рыси мне очень понравился. Я тоже захотела научиться так же прыгать. У меня нет лошади, но решила прыгать с чердака на пещку. Я прыгнула. Мне это удалось, только я сильно ударила ногу о железные крылья. Печка пострадала. Отвалился угол.

Мне, конечно, встало от мамы, но все равно, я же прыгнула.

Татья Гукало, ученица Пономаревской Красносельской школы

ДОРОГА РЕДАКЦИИ!

Пишет вам Илья Цуккер. После опубликования в 8-м номере «Костра» рассказа об мне я получил очень много писем от ребят со всех уголков страны. Многие ребята очень просят всех ребят, которые написали мне.

Большое спасибо моим знакомым друзьям, написавшим такие теплые слова и поздравления мне с днем рождения.

Илья Цуккер

Здравствуйте! Пишет вам Валя. Меня тревожит одна фраза, которую я иногда слышу. А фраза такая: «Как в кино» или «В кино всегда так!» Говорят это обычно в тех случаях, когда происходит что-нибудь экстраординарное или когда не верят происходящему на экране.

Но ведь это, наверное, неправильно! Я считаю: кто так пренебрежительно говорит о кино, наверное, сам не понимает этого.

Интересно, что по этому поводу думают другие ребята?

Валя Хоботова, Саратов

ПИСЬМА ИЗ ВЬЕТНАМА

В январе было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

Эту войну выиграли не только вьетнамцы. Все честные люди помогали им и твердо верили: наступит победа. И еще в те дни, когда грохотали орудия и пылали от являвшаяся опасная земля, а Советском Союзе преподаватели учили ребят из ДРВ специальностям, которые нужны в мирное время.

Рассказывает
учительница
ПТУ № 92
Л. Богопольская

Когда ребята из Демократической Республики Вьетнам приехали в Ленинград, они долго не могли привыкнуть к нашей тишине и в тревоге смотрели на небо.

— Здесь не бомбят! — спрашивали они.

Многие из них уже воевали на родине, были солдатами. Другие занимались в школах, расположенных глубоко под землей, потому что американские самолеты днем и ночью бомбили вьетнамские города и села.

— Я сегодня «буон» (печальный), я получил письмо из дома, — сказал мне ученик Хай и проткнул помпный конверт.

«Дорогой Хай! Спешу написать тебе. Я счастлив, что ты учишься в Советской стране.

Более ста бомб упало на наш район за последние дни. Шестдесят человек погило в нашей деревне, сгорело семьдесят два дома, в том числе твой и мой. К счастью, твои родители остались живы, их не было в этот час дома. А я своих похоронил... Мне больно писать об этом, но с тобой, самым близким другом, я должен поделиться горем.

Бомба упала на школу, где мы учились. Погиб наш старый учитель и все дети, которые были в тот день на занятиях. Страшно слышать, как матери оплакивают своих детей. Многие люди остались без крыши над головой. Сейчас мы срочно строим новые дома. Наш народ не из тех, кого можно запугать и уничтожить. Крестьяне продолжают работать на полях, рабочие трудятся на фабриках и заводах.

Ты обязан учиться только отлично, помни, что в нашей стране все еще проливается кровь родного народа. Крепко обнимаю тебя.

Твой друг Динь»

Еще письмо. Его моя ученица получила от брата.

«Дорогая Шем! Я пишу тебе из нашей маленькой страны, где идет война и не прекращаются обстрелы ни ночью, ни днем.

Тебя, конечно, интересуют твои подруги. Многих мы приняли в партию. Большинство знакомых юношей и девушек уехало добровольно на передовую линию фронта в Куанбинь.

Американцы каждый день бомбят деревни по берегам Шонг Лам. Недавно разбомбили больницу, хотя на ней был флаг Красного Креста.

Большой привет от твоей подруги Лнен. Она интересуется, кем ты станешь в СССР, какую выбрала профессию.

Желаю тебе всего самого хорошего.

Твой брат Нгуен Нип».

Из много, этих писем. Одни — в красивых конвертах. Другие — как солдатские треугольники времен войны.

...Незаметно пролетело три года.

Ленинградские рабочие научили юных вьетнамцев ремеслу, передали им свой опыт и умение.

В наше ПТУ по-прежнему идут письма. Это письма от наших воспитанников. Письма о дружбе, связавшей два народа, о благодарности и любви.

«Горячий привет из солнечного Вьетнама!

Работаю я так, как учили меня русские рабочие. Из газет вы, наверное, знаете, что у нас произошло страшное наводнение, поэтому все оборудование в цеху, где я работаю, оказалось под водой. После наводнения меня послали работать в качестве электрика. Работа очень тяжелая, но она нравится мне.

В выходные дни я читаю книги и занимаюсь русским языком, который не хочу забыть. Я вспоминаю русскую зиму, мороз... Как ободрались мы когда-то первому снегу и быстро научились играть в снежки! Я любил гулять по улице, когда снег падал крупными хлопьями.

Жду от вас много писем. Крепко обнимаю вас.

Ваш ученик Нгуен Данг Нип».

Мастера Е. Н. Хасину вьетнамские ребята называли мамой. Теперь они пишут ей:

«Дорогая мамочка! Мы скучаем без вас. Наверное, вы думаете о нас, своих сыновьях, которые уехали далеко от вас. Мамочка! Мы будем помнить вас всегда и писать письма. Вы обучили нас трудной профессии формовщика, и все знания, которые вы дали, мы отдадим Родине.

Желаю вам здоровья. Ваш сын Чан Ван Мин».

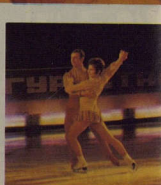
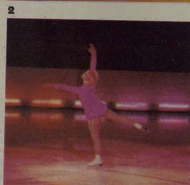
Эту марку мы получили из Кишинева от Бори Кириллова. Боря пишет:

«Костер!» Посылаю тебе марку борющегося Вьетнама. На ней вьетнамский воин ведет в плен пилота американского бомбардировщика. Бомбардировщик этот виден на марке, он догорает на земле...»

Написав на марке Боря разобрать не смог. А написано следующее: «2000 самолетов врага сбил защитники вьетнамского неба». Марка выпущена в 1967 году.

Оформление А. Януса

Вам отвечают фигуристы

Фото Н. Науменкова

1. Сергей Четверухин, СССР
2. Андрей Непела, ЧССР
3. Джанетт Ланг, США
4. Л. Павлова и А. Горшков, СССР
5. Соня Моренштерн, ГДР
6. И. Роднина и Тренер С. Жуков, СССР
7. И. Овчинникова и А. Сурайкин, СССР

Этот поток не иссякает никогда. Даже в жаркие летние месяцы, когда на пляжах не протолкнешься, а лед тает даже в толстых мороженицах, в редакцию приходят письма, в которых: «Передайте Ирине Роднину.» — «Спросите у Сергея Четверухина.»

А незалождо до первого снега письма с вопросами к фигуристам и о фигуристах идут уже настоящим потоком.

Конечно, если бы наши замечательные мастера звались отвечать на все письма, у них просто-напросто не осталось бы времени для катания. К счастью, в большинстве писем содержится примерно одинаковые вопросы. Вот эти вопросы и задал Мастером фигурного катания корреспондент «Костра» Вадим Нечаев.

Чемпион мира и Олимпийский игрок АНДРЕЙ НЕПЕЛА рассказывает о себе.

— Когда мы начали кататься на фигурных коньках! — В 1958 году в Братиславе состоялся чемпионат Европы. Я был покорен этим зрелищем и упросил отца свести меня на каток. Мне было тогда семь лет. С первых же шагов на леду меня захватил под свою опеку Хильда Мудра, мой и теперешний тренер. На международном уровне я выступил в 1964 году, причем сразу же попал на Олимпийские игры.

— Каким у вас впечатление от международного турнира «Московские коньки»! — Я с радостью встретился со своим другом Сергеем Четверухиным, занявшим первое место на турнире. Это блестящий фигурист, прекрасный товарищ. Из одноклассников мне понравились Волгушев и Янецко Саню.

— Ваше настроение перед чемпионатом мира 1973 года! — Самое боевое. Тем более, что он состоится в моем родном городе — Братиславе. Ежедневно я тренируюсь на льду по четыре часа. Из них две с половиной

часы посвящаю отработке обязательных фигур, остальные время провожу программой. Я подобрал новую музыку, подготовил новые комбинации. В моей программе три тройных прыжка — «лутц», «сальхов» и «тулуп». Но это будет мой последний чемпионат. Я достиг того, о чем мечтал когда-то. Я увидел мир, научил языки: русский и английский. У меня появилось много друзей в разных концах света, расширился кругозор. Сейчас я учусь на третьем курсе юридического факультета Братиславского Университета. В будущем я думаю заниматься международным правом. Это впереди. А пока я не собираюсь рвать с фигурным катанием. Можно быть тренером, можно быть комментатором, можно выступать и в реву. Переход спортсмена в профессионалы я не считаю чем-то зазорным. Окончательное решение приму после чемпионата.

— Не грустит ли ваш тренер по этому поводу!

ХИЛЬДА МУДРА отвечает сама

— Андрей молод, ему будет в январе только 22 года, но по стажу пребывания в большом спорте он уже ветеран. Он неоднократно чемпион Европы и мира. Он достиг своего зенита, и пусть ему не сменят приду новые чемпионы со своим стилем катания.

— Андрей, открытие портрет настоящего фигуриста. — Хорошие нервы, талант, упорство, строгий образ жизни. Помню, на меня большое впечатление произвел Том Лидс. Мне очень нравились Флеминг, Зейферт, Джексон, Тим Вуд. Каждый из них оставил яркую страницу в фигурном катании.

Интервью о серебряным призером XX Олимпийских игр СЕРГЕЕМ ЧЕТВЕРУХИНЫМ

— Какие качества требуются для настоящего фигуриста!

— Те же, что и для достижения успеха в любом виде спорта. Огромная трудоспособность и бесстрашие, ради которой можно повернуть всем остальным. Необходимое качество, на мой взгляд, — честолюбие. А также умение критически оценивать свои достижения и пройденный путь. И, главное, бороться до конца ради своей цели, до последнего момента, последней секунды, последнего метра.

— В каком возрасте можно и целесообразно начинать кататься!

— Сейчас тренеры рекомендуют вставать на коньки с самых первых лет. В плавание начинают учить детей даже с первых месяцев жизни. Я начал заниматься фигурным катанием в 10 лет — позже всех среди своих сверстников-фигуристов. В СССР учат детей с 4—5 лет. Мое личное мнение, что надо начинать с 8 лет. Основное — это привить любовь к определенному виду спорта.

— Что делать мальчику или девочке, живущим в отдаленном поселке и мечтающим о фигурном катании!

— Фигурным катанием, на мой взгляд, самостоятельно нельзя заниматься. Потому что необходим хороший инвентарь, хороший лед. На открытом льду трудно достичь высокого качества. Фигуристу необходимо иметь и «ребра», и «пятачок», и «носочки» конька. Основные центры фигурного катания — Москва, Ленинград и Киев.

— Какие цели перед собой вы ставили на своем пути!

Цель у меня была одна: поднять одиночное катание в нашей стране на такую высоту, чтобы оно завоевало международное признание. В общем, этой цели я добился.

Из нынешних фигуристов мне хотелось бы отметить прежде всего Сергея Волкова. В 1971 году на чемпионате Европы в Цюрихе он был третьим в обязательной программе. Но в соревнованиях по произвольной он не выдержал психологического напряжения, тогда некоторые специалисты посчитали его бесперспективным. Но он не сломался. И накануне больших стартов он выступает на высоком уровне. Талантливый фигурист Юрий Овчинников. К сожалению, он не всегда умеет собраться перед стартом. Прекрасное впечатление произвел на меня другой ленинградец Игорь Лисовский. Этот парень много в катании и реву в прыжках. Чувствуется, он живет своим спортом. И больше надежды подает пятнадцатилетний москвич Константин Кокорев. В будущем они могут составить серьезную конкуренцию лучшим зарубежным фигуристам.

— Какие у вас наиболее трудные сравнения или моменты в вашей биографии!

— Самый трудный период у меня был в 1962 году. Меня преследовали тогда травмы. Выступал я неудачно, и меня вывели из сборной. Меня поддержала мой хореограф Татьяна Петровна Матросова. Она ходила со мной на тренировки. Вместе с ней я готовился к чемпионату Союза. И неожиданно для всех выступил на нем очень прилично, заняв 4 место.

Пять лет назад я почувствовал, что наступил какой-то кризис, я перестал совершенствоваться. Я обратился за помощью к тренеру Станиславу Алексеевичу Жуку. Он сломал прежнюю технику, и я начал как бы с нуля. И когда мне бывает трудно, я всегда вспоминаю, что было прежде еще труднее.

— Ваши планы!

— Теперь я тренируюсь один. Мой тренер Жук полностью поглощен подготовкой нового друга Роднина — Зайцева. 23 дня провел я в Денвере вместе с ленинградским тренером Мишиным. Я тренировался на катке известного тренера Карла Фасси, воспитавшего несравненную Пегги Флеминг. Американская школа, выступившая в мир многих виртуозов, заинтересовалась методами подготовки советских фигуристов.

Американские фигуристы тренируются насыщенно, не теряя даром ни секунды (лед у них платный), с тренерами консультируются редко, потому что за это надо платить немалые деньги. Добившись успеха, заокеанский фигурист уходит точчас в профессиональное ревью, чтобы скорее оправдать затраченные средства и заработать.

В новом сезоне мне предстоит суровый поединок с Одреем Нелелой за первенство Европы и мира. Это будет последний год наших выступлений на катках мира. Я занимаюсь фигурным катанием почти семнадцать лет и чувствую, что накопилась нервная усталость. Кроме того, в 1973 году я заканчиваю МВТУ им. Баумана, и на диплом тоже потребуются силы. А в будущем я мечтаю стать тренером.

Серебряный призер чемпионата мира АНДРЕЙ СУРАЙКИН рассказывает о своем новом дуэте с фигуристкой Натальей Овчинниковой.

— Как известно, жизненные испытания сильных закаляют, а слабых ломают. Годы и годы тренировок, ограничения себя во всем, сомнения и вера в свое дело — вот жизнь спортсмена.

Когда я остался один, без своей партнерши Людмилы Смирновой, я понял, что я не могу существовать без атмосферы спортивной борьбы. И я, еще не зная, с кем буду кататься, стал готовить новую обязательную и произвольную программу. У меня были новые замыслы, новые идеи, но претворить их в жизнь я мог только с партнершей... И я стал вспоминать фигуристов, которых видел за последние годы. Я увидел ледяное поле тагитского Дворца спорта и на нем выступление гениальной Наташи Овчинниковой. Мысленно я представил ее в паре, и чуть не подсказало, что это будет правильный выбор.

Когда я вернулся с Чемпионата мира в Ленинград и сказал маме, которая мой верный друг и советчик во всем, — она очень удивилась: «Разве ты не знаешь, что Наташа оставила спорт?» — сказала мама. Я улыбнулся и ответил: «Знаю, но тем лучше, начнем все сначала». Мой тренер Виктор Николаевич Кудрявцев согласился со мной. Теперь все зависело от согласия Наташи. Она теперь студентка филологического факультета Ленинградского университета, пропустила год тренировок, и вернуться на ледяное поле было непросто. Мы вместе думали, обсуждали мой план и, наконец, 25 апреля вышли на первую тренировку.

— Андрей, я видел, как вы напряженно тренировались. Как вы оцениваете уже пройденный путь!

— Он мне кажется обнадеживающим. Самой первой задачей Наташи было восстановить навыки фигурного катания. Приобрести необходимую общефизическую подготовку. Одновременно она стала разучивать прыжки, вращения, поддержки. Тренировалась она с энтузиазмом. Она оригинально интерпретирует музыку на льду. Благодаря ей у нас появляется утонченность стиля. Начиная с лета, мы побывали на сборах в Череповце, Ростове, Запорожье. К сожалению, 10 ноября нас обоим постигла травма, и две недели для тренировок были потеряны. В Москве на международном турнире фигуристов «Московские коньки» мы выступили с частью произвольной программы и с показательным танцем на музыку Менччини. Публика нас приняла хорошо.

— Ваш ближайший план!

— Пора включаться в спортивную борьбу. Участие в соревнованиях — это незаменимый опыт. Пока мы не думаем о высоких результатах. Кататься свободно, радостно, так, как мы уже умеем, — вот чего я добиваюсь.

Заслуженный тренер СТАНИСЛАВ АЛЕНСЕЕВИЧ ЖУК рассказывает о своем новом дуэте Роднина — Зайцев.

— У меня каждый сезон тяжелый, начиная с 1956 года, когда я еще сам выступал на соревнованиях. Тогда я и Нина Жук заняли второе место на чемпионате Европы 1958 года. Будучи спортсменом, и действующим спортсменом, я начал тренировать свою сестру сперва в паре с Гавриловым, а потом в паре с Гореликом. В 1968 году на Олимпийских играх они стали серебряными призерами.

Роднину Ирину я увидел в 1964 году. Она удивила меня свободой катания, необыкновенной жизнерадостностью, импровизациями на льду. У нее были все задатки будущей «везды». В течение двух лет я готовил ее одну, но в расчете на парное катание. Партнера я нашел позже. Это, как известно, был Алексей Уланов. В 1969 году с первых же выступлений на чемпионатах Европы и мира они стали победителями.

Когда распалась эта пара, я думал, что Ирина закончит кататься. Но у Родниковой было другое мнение. Начались поиски партнера.

Александра Зайцева я знал и прежде по сборной Союза. Мы с Ириной присмотрелись к нему и решили попробовать. Совместные тренировки продолжались всего пять дней, потом мы пригласили на просмотр руководителей нашей федерации. Пара была одобрена.

Тренируются ребята много и старательно. На льду проводят в среднем шесть часов в день. Наша задача — за кратчайший срок подвести Александра Зайцева к высокому уровню катания.

Сейчас у нас новая программа. Название ее — «Мелитика». Начинается программа мелодией «Кубанские казаки» — начинается весело, азартно, стремительно. Затем следует «Травинушка», «Из-под дуба, из-под вяза». В финале звучит «Русская сюита».

А теперь слово ИРИНЕ РОДНИНОЙ.

— Как изменилась ваша программа!

— Прежде все изменилось мое отношение к тренировкам. Моя энергия и бодрость остались прежними. Но объясняю что-то в программе партнеру, я сама должна осмысливать каждый элемент, как он исполняется, какова его роль в комбинации. Теперь я лучше понимаю своего тренера.

Психологически это также нелегкий период. Для создания настоящей пары требуется не только согласованность в катании, но и взаимопонимание, согласованность характеров.

— Что вы можете сказать о вашем танце «Калинка», который вы опять показали в Москве!

— «Калинку» мы создали с Улановым в 1968 году. Первое время публика к ней привыкала, осваивалась, что ли. Но вскоре этот танец завоевал международную известность. Какие бы мы новые танцы не показывали, зритель требовал «Калинку». В 1969 году в зарубежном турне по США, Канаде и Европе публика на каждом представлении просила исполнить «Калинку». Признаться, она мне несколько поднадоела. Но в 1972 году я катала ее с самым большим удовольствием. И мой тренер настаивал на том, чтобы «Калинка» снова зазвучала на льду.

СООБЩЕНИЯ НАЧАЛЬНИКОВ ПОИСКОВЫХ ПАРТИЙ

«Расшифровали радиогруппу Вити Коваленко:

«... (На)правляясь к (Гусиной) Земле, оставили к (северу) (остров) (архипелага (Северно)й Земли. (Сбились) с пути. Компас (показывает) неверное (направление). (Тер)пим бедствие в (районе) бывшей Ма(нгазе)и. Нашли топор и бусы (времен) Бориса Годунова».

Ведем самостоятельный поиск отряда «Искатель-2» в районе бывшей Мангазеи. Считаем, что причиной исчезновения отряда послужили испорченные и уничтоженные неизвестными лицами знаки средств ограждения навигационных опасностей: на одном из знаков выхода на створ маяка были оторваны все деревянные доски, другой створный знак, который мы ожидали увидеть, был сожжен. Наш компас из-за сильных магнитных бурь не действует. Определяемся на местности астрономическим способом. Поиск продолжаем.

Володя Куш, поисковая партия
отряда «Безупречный»

«Текст телеграммы расшифровали. Материалы о бывшей Мангазее обнаружили в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде и в книге профессора М. И. Белова «Семен Дежнев». Ведем поиск.

Сергей Кузьмин,
отряд «Факел Знаний» (АС-8)

ШТАБ ЭКСПЕДИЦИИ ПРИКАЗЫВАЕТ

1. Всем поисковым партиям продолжать розыски отряда «Искатель-2».
2. Предоставить в исторический отдел экспедиции отчеты по изучению района бывшей Мангазеи.
3. Ввиду порчи знаков средств ограждения навигационных опасностей (что привело к тяжелому случаю — сбились с пути и затерялся отряд «Искатель-2») — срочно организовать во всех отрядах пионерские посты наблюдения за знаками средств ограждения и провести операцию «НАВИГАЦИОННЫЙ ОГОНЬ!»

Для чего:

- а) выявить все расположенные в радиусе действия отрядов береговые знаки средств ограждения навигационных опасностей;
- б) доложить в штаб экспедиции о всех видимых неисправностях знаков;
- в) установить еженедельный (а в местах труднодоступных для наблюдения — ежемесячный) осмотр знаков средств ограждения навигационных опасностей.

Начальник экспедиции
«Гидрограф»
контр-адмирал Скосырев

Сюрприз реки Витим

«Витим спокойно нес свои воды. Я сидел на берегу и думал: до чего же прекрасна сибирская природа! Над Витимом плыл запах черемухи.

Вдруг мое внимание привлек шум двигателей. По строению корпуса и надстройке я узнал туристическое судно «А. Попов». Судно совершало рейс по маршруту Острова—Якутск с заходом в Бодайбо. Судно шло быстро. Когда оно проходило мимо моего гидропоста, для его глубокой осадки оказа-

лось мелко. Судно стало. Послышались сигнальные звонки, забегали люди. Я быстро сел в лодку, завел мотор и пришвартовался к борту. Спросил у капитана: «Чем могу помочь?» Капитан уже передавал о случившемся в Бодайбо. Но ведь когда из Бодайбо придут буксиры? Предложил капитану: возвращаясь на берег, звоню по телефону в Мамакан, на ГЭС, докладывая обстановку и прошу открыть все створы плотины. Капитан согласился. Я так и сделал. Через некоторое

время створы были открыты, вода поднялась и судно сошло с мели. Уже стемнело. Стоя на берегу, я залюбовался белоснежным красавцем. Вдруг я услышал голос: «Спасибо за помощь!» «Счастливого плавания!» — крикнул я в ответ. Вскоре судно скрылось за поворотом. Над Витимом плыл запах черемухи...

Рассказ начальника гидропоста тов. Письменова П. А. записал член морского клуба «Золотой Род» в поселке Мамакан Сергей Овсянник, отряд «Варяг-5» (АГ-17)

МОЯ МАМА — РАДИСТКА

(письмо в редакцию)

ций. Вскоре мама работала не хуже других первоклассных радисток. Когда на теплоходе «Коммуна» должны были опробовать радиостанцию, мне предложили пойти радисткой. Она обрадовалась и побежала сообщить родным. Когда прибывала назад, то капитан вместе с учениками-радистками прошли через сторожевую, а у мамы еще не было пропуска, и сторож ее не пустил. Мама плакала, говорила, что опоздала всего на минуту, но сторож стоял на своем. «Нелзя, не поленюся!» —

говорил он. Тогда мама нашла щель в заборе и кое-как пробралась в порт, но «Коммуна» уже подняла якорь. Потом долго над мамой подшучивали, но стали уважать. Она считалась хорошей радисткой и влюбленные штурмы держалась на ногах твердо.

Маме уже сорок четыре года. Давать пять лет она работает в одном и том же пароходстве. Я горжусь своей мамой и хочу быть такой же, как она.

Люба Давыдова, г. Муйнак

КОМАНДИР КОРАБЯ

«Нужен ли командиру корабля иностранный язык? А что, если у меня физиологично хромает? Сколько на командира уходит? А если трошка по математике?» — такие вопросы задают «Морской газете» ребята, которые хотят стать командирами военных кораблей.

Бойман Румпель еще эти письма с вопросами собрал в выходной перед Анатолием Константиновичем Хохловым, командиром противолодочного корабля.

Почитал командир письма, подумал. Потом сказал: — Вот представьте себе, веду я поиск вражеской подлодки и обнаруживаю дымовую шлейфу: подлодка дала залп ракетой... Не по мне, а по какой-то береговой цели... Засек. И должен уничтожить подлодку. Сколько у меня времени? Пятнадцать минут... Второй раз подлодка выстрелила не долгие. И вот в эти пятнадцать минут командир вкладывает все свои знания, все, чему он учился двадцать лет...

— Двадцать лет? — воскликнул Румпель. — Конечно, — сказал командир. — Занимается арифметикой. Средняя школа-восьмилетка. Плюс три года Нахимовского училища. Плюс четыре или пять лет — высшего военно-морского училища. Считает! Плюс один год — высшие офицерские классы. Плюс три года —

академия. После этого можно считать, что командир кое-чему научился. Но это не значит, что больше учиться ему нечему. Ведь корабли совершенствуются, меняются оружие, тактика, скорости, самые понятия морского боя...

— Да, — сказал Румпель, — когда я плавал под парусами, было полечка... — Возможно, — сказал командир. — А теперь из области воспоминаний. Было мне восемнадцать лет, и находился я в учебном отряде. В маневр Дня Военно-Морского Флота забросили нас с кораблей на шпиках за восемьдесят миль от места стоянки. Приказали: вернуться точно к празднику через сутки. Шли мы весь день и всю ночь и на вслах и под парусом. И добрался в срок. Но если бы не морозы и не практика прошлых лет — не на много бы меня завили...

Или вот еще случай. Подходим мы к одному порту иностранной дружественной державы. Лоцмана по причине штормовой погоды нам не выслали. А течение — сильнейшее. Тает корабль в одну сторону, ветер — в другую, а точные карты берегов — на английском языке: где мель, где камни. Что бы я делал, если бы не знал хорошо свой корабль, не умел читать по-английски. Да еще если бы с трюхой по математике, а!...

Вот и говорят у нас на флоте: «Для современного командира нет ничего, что бы он не должен был знать и уметь».

НАМ ОБЩАЮТСЯ С ЧУКОТКИ

«Недалеко от нашего поселка — море. Большую часть года оно покрыто льдами. Только в середине лета льды тают и к нам приходят корабли из Валивостокта. Юнкер Сергей Смирнов, мыс Шидта, пос. Полярный»

«К НАМ ПРИЛЕТЕЛ ВЕРТОЛЕТ»

Фото Сергея Смирнова

В КУНСТНАМЕРЕ

Когда Робинзон получил эту фотографию, он воскликнул: «Не может быть! В наши дни «Ракет» и «Метеоров» и варгу старинная каравелла?»

Робинзон срочно послал по указанию в письме адресату специального корреспондента детективки Игрия Нафтулену. Вот что он рассказал: «Да, действительно, каравеллу может увидеть каждый. Стоит она в Ленинграде, на Неве, точнее, в Грешном канале, напротив стадиона имени Сергея Мироновича Кирова. Уже издали увидев над водой ее необычную формы борта, окрашенные в зеленый цвет и отделанные желтым орнаментом. В открытых оружейных портах торчали черные пушки. Плававшая каравелла пока только по Финскому заливу, но вымпалы воспевают восторг и удивление. Построил ее «адмирал» — так называют Руудольфа Пожогина, который работал художником-декоратором на одном из ленинградских заводов.

Постройка каравеллы была для него таким же любимым занятием, как и для многих читателей «Морской газеты» является собирание марок

или старинных монет. Каравелла не первый старинный парусник, построенный Пожогиним. Им же была сделана старинная бригантина. Теперь он мечтает о постройке корвета...

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Организовать клуб было нелегко. Сначала занимались в сарае. Сарай назвали «Бронесек Грозный». Даже флаг поднимали и устроили капитальский мостик. Но в сарае протекала крыша, да и замка не было.

Теперь у нас целый подвал в нашей школе и мы его благоустроили. Изучаем самостоятельно флажную сигнализацию, азбуку Морзе и типы военных кораблей. В нашем морском клубе, кроме мальчишек, три девочки. Они помогают пилить и полировать, в форму морскую шуют.

Член клуба юный моряк Сергея Шеншица, пос. Тавда

После окончания маневров «Океан-2» экипаж корабля «Надежда» решил создать при клубе «Морской клуб». Мы сделали монтаж «На берегах морских рубежей Родины», собрали материалы о всех одесситах, которые воевали в 1941—45 годах. В клубе установили часы и модели кораблей, изготовленных членами экипажа «Надежды». Составили и утердали план изучения морского дела в клубе.

Надежда Овчаренко, Надежда Уварова, Надежда Повленко, с. Перегоньково Полтавской области.

«МОРЕ»

Эту картинку нарисовала для нас Нина Вальчук. Нина живет в городе Елабуга.

НА МАЛЕНЬКИХ ОСТРОВАХ

В Тоого
Океании
См. «Костер» № 1, 2

Маяки обычно называют по имени островов. На Голанде — «Голандский», на Нерве — «Маяк Нерва», на острове Сескар — «Сескар».

Сначала я увидел Голландский маяк с моря, вечером, — мигал его желтый глаз. Потом увидел днем.

Чтобы добраться до подножия маяка, пришлось отсчитать двести сорок три ступеньки вверх среди причудливых скал. Вот и маяк — высокая башня приметной издалека окраски — белые и красные полосы.

А внутри башни еще восемьдесят шесть ступенек — винтовая лестница, голова закружится... Наконец и то, зачем я сюда поднимался с таким трудом: посмотреть на знаменитую линзу. Линза это заволаева первое место и золотую медаль на конкурсе маяков в Италии! Виску: словно бы громадная хрустальная линза. Это и есть линза маяка. Под линзой четыре лампы. Одна действующая, три запасные. Если действующая перегорит, запасная включается автоматически. Почему линза Голландского маяка получила золотую медаль? Во-первых, за чистоту стекла, не зря я назвал ее «хрустальной», во-вторых, за мощностъ усвоения. Линзу увеличивает свет лампы в шестидесять раз! Поэтому и виден свет Голландского маяка за пятнадцать километров.

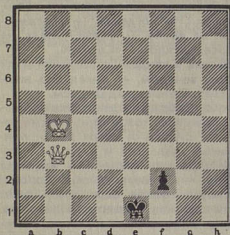
АРЧЕБЕК

Рисунки Г. Ясинского

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

Международный гроссмейстер Юрий Авербах заканчивает рассказ (см. «Костер» № 11, 12 — 1972) об окончании «Ферзь против пешки на седьмой линии».

— Я уже объяснял, что центральная или конечная пешка единоборства с ферзем не выдержит, но ладейная или слоновая добивается ничьей. Однако есть исключения — случаи, когда король противника находится вблизи от пешки. Например, такая позиция (см. диаграмму).

Что нужно предпринять белым? Сначала необходимо преградить черному королю путь к угловому полю: 1. Фg3! Крe2 2. Фg2 Крe1.

А теперь в бой вступает белый король: 3. Крe3! Крe2 (если f1Ф, то 4. Фd2Х) 4. Крd4 Крe1 5. Крe3, и черным надо сдать.

А вот другая позиция — белые: Крe5, Фd7; черные: Крг1, п.h2.

Здесь сперва надо с шахом поставить ферзя на вторую линию: 1. Фd1+Крг2 2. Фd2+Крг1.

Теперь король устремляется вперед и создает матовые угрозы: 3. Крf4! h1Ф 4. Крг3! — победа!

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Борьба в чемпионате АРЧЕБЕКА разгорается — сегодня третий тур.

Какие же задания ждут участников? Вот они.

Две задачи на мат в три хода для шахматистов.

А. Белые: Крh7, Фf1, Кg3, п. c7; черные: Крf8, Се6, п. f7.

Б. Белые: Крa1, Лg1, c8, Кe5, Кf6; черные: Крh8, Лh7, Се8, Кg7.

Две концовки — для шашкистов (автор И. Прибыльский).

А. Белые: b2, b6, c1, d2, e3, f4, h4; черные: a3, b4, b8, d8, e7, f6, h6.

Ход черных. Как им лучше пойти (и почему) — 1... b8—a7 или 1... b8—c7?

Б. Белые: c1, e1, g1, g3; черные: c3, c5, c7, e3, g5.

Ход черных. Как им лучше пойти (и почему) — 1... e3—d2 или 1... g5—h4?

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь фигуры — белые: Крh1, Се7, Кг7, п. g2; черные: Крг3, Фе5. Твое боевое задание такое: подай точную команду белым, чтобы быстро завоевать черного ферзя!

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ!“

«Что такое отложенная партия?» — спрашивает Сергей Першуткин.

В турнирах противники ведут борьбу за доской четыре часа. Если за это время они партию не закончат, то судья предложит им отложить ее и доиграть в назначенный день. Положение фигур записывается, а игрок, чья очередь ходить, делает «секретный ход» — записывает его, но не совершает на доске, чтобы партнер не знал, какой ход сделан. Эту

запись παίρνει судья. Такая неоконченная партия, требующая доигрывания, и называется отложенной. Бывает, что партия откладывается, доигрывается и... опять откладывается. Четыре раза откладывали свою затяжную партию английские мастера Р. Кин и Э. Хольт. Они играли ее в общей сложности почти 13 часов!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так.

Шахматы. А. 1. Фе8!, и при любом ответе черных им будет мат. Б. 1. Лh8!, и черным от мата не спастись.

Шашки. А. 1. bc3! 2. gf6 3. h:b4 4. ab4Х. Б. 1. ed6! 2. gh6 3. h:d2 ab2 4. dc1! 5. ed4 и т. д. Х.

За каждую верно решенную задачу из «Чемпионата АРЧЕБЕКА» рыцари начисляют на свой счет пять очков. Листок с учетом очков хранить до того, как его потребует шахмат-адмирал (в августе).

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарям — отослать рапорты до 1 мая.

§ 2. В верхнем левом углу конверта помечать — «АРЧЕБЕК», писать свой пароль и номер приказа. Два рапорта сразу не принимаются.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунок А. Якуса

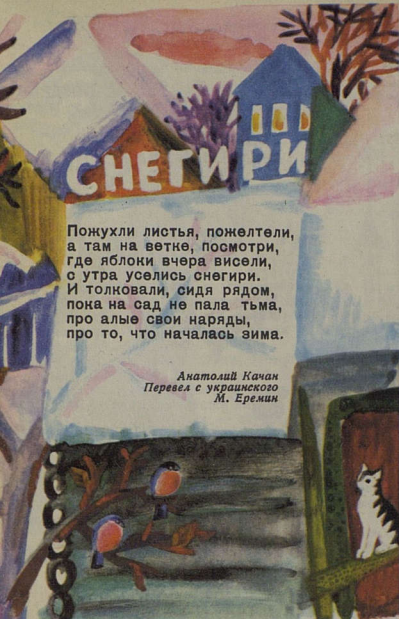
ПОМОГИТЕ МАЛЬЧИКАМ

В честь женского праздника
хочется нам
порадовать бабушек наших
и мам:

- 1) квартиру прибрать,
 - 2) приготовить обед,
 - 3) заштопать носки,
 - 4) починить табурет.
- Ложат инструменты.
Но кто отберет
лишь те,
что нужны нам
для наших
работ?

Рисунок М. Шретер

СНЕГИРИ

Пожухли листья, пожелтели,
а там на ветке, посмотри,
где яблоки вчера висели,
о утра уселись снегири.
И толковали, сидя рядом,
пока на сад не пала тьма,
про алые свои наряды,
про то, что началась зима.

Анатолий Качан
Перевел с украинского
М. Еремин

СТАРЫЙ СЛУГА

Один богатч считал себя писаным красавцем и любил подолгу смотреться в зеркало. Как-то раз спрашивает он у своего старого слуги:

— Скажи, ведь правда, я самый красивый человек в городе?

— Никого нет красивее вас, хозяин! — ответил слуга.

Тут глупый богатч решил слегка пошутить.

— Ну, а мое отражение в зеркале так же красиво?

— Куда ему до вас, хозяин, и смотреть противно на этого урода! — простодушно ответил слуга.

Даниил Норин

Рисунки И. Казаковой

7

ДРЕССИРОВЩИК И ЛЕВ

Смирный какой: без команды—ни шагу...
Вот как его укротил я, беднягу! —
Так дрессировщик подумал о льве,
Глядя его по большой голове.

Лев рассуждал, между прочим, вот так:
„Храбрый какой! Не боится, чудак...
Если б он не был так ловок и смел,
Я бы его обязательно съел!“

Александр Шабает

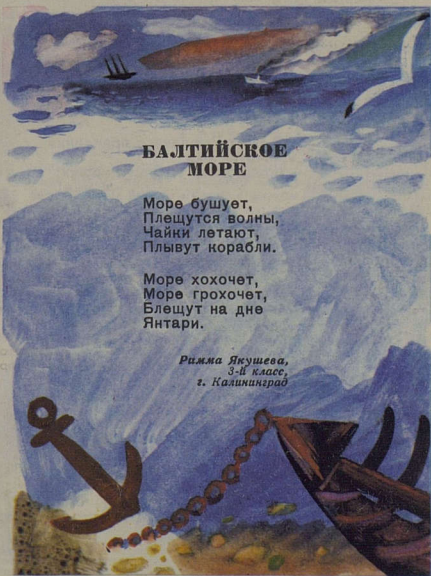

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Море бушует,
Плещутся волны,
Чайки летают,
Плывут корабли.

Море хохочет,
Море грохочет,
Блещут на дне
Янтари.

Римма Якушева,
3-й класс,
г. Калининград

Рисунки М. Басмановой

3

СОДЕРЖАНИЕ

На границе двух океанов очерк И. Войтенко рисунки А. Аземши и А. Харшака	1
Славная Мойка— священный Байкал повесть М. Глинки рисунки В. Бескаравайного	4
Куба, цветные фотографии из путевого дневника Валентины Бианки рисунки К. Претро	20
Стихи С. Когана рисунки И. Казаковой	24
На воде и под водой рассказы Н. Сладкова, Г. Ясинского	25
А что же дальше? литературная игра, ведет И. Дворкин рисунки Г. Ясинского	28
Наш общий друг к 60-летию С. В. Михалкова	30
„Три — сто! Три — сто!“ рисунки Ю. Бочкарева	32
Страна Поэзия рисунки А. Сколозубова	34
Стихи наших читателей	36
Боба и слон киноповесть В. Голявкина	37
Тетя Тоня за рулем очерк С. Юрьевой	46
Зеленые страницы ведет Н. Сладков	48
Киноклуб оформление Г. Никеева	50
Письма из Вьетнама оформление А. Януса	54
Говорят фигуристы интервью В. Нечаева	56
Экспедиция „Гидрограф“ рисунки А. Курушина	59
Морская газета	60
Арчбек шахматы и шашки	62
Уголёк	63

Мальчики из квартиры 64 решили 8 Марта сами без помощи девочек приготовить праздничное угощение. Они выбрали три старинных рецепта из кулинарной книги Гнома-гастронома. Вот эти рецепты:

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ САЛАТ С ПЕТРУШКОЙ И СЕЛЬДЕРЕЕМ

«Листьев латука — салата зеленого — связку в полмины аттической весом
Выйми в прозрачной воде и помельче нарежи.

Три куриных яйца вкрутую свари.
И желтки, растерев, смешай с оливковым маслом,
Часть аттической мины примерно седьмую отмерив его.
Туда же добавь нарезанной мелко петрушки и сельдерея.
Укуса вмеру налей и соли умеренно всыпь. Взебей,
не ленясь,
И латук этой смесью залей, а белки от яиц
Нарежь и блюдо салата сверху ими укрась.
Выставь на стол и домашних своих, а также гостей угощай.

ОМЛЕТ „ФАНТАЗИ“

(из блюд французской кухни)

Две трети дюжины яиц, о край сковороды
Умело расколов, взбей с чашкою воды,
И, посолив, поджарь на масле разогретом,
Чтоб вкус гурманов усладить омлетом.
А для того, чтобы омлет стал обильнее,
Полей его поверх повидлом или вареньем.
Посыпав сахарною пудрою его перед подачей,
Неси омлет на стол, пока еще горячий.

БЛИНЫ—СКОРОСПЕЛКИ

(старинный русский способ)

Кто едока насытит блинами желяет,
А затевать большую стряпню не желяет,
Делай, как укажет предание старинное:
В лохани четыре чашки молока да яйцо куриное,
Полфунта муки, соль и сахар вместе мешают
И на сковороду, маслом вымазанную,
ложку той бурды выливают.
Да переворачивать жарено не забывают.
Блины выходят тонки весьма и румяны.
Сельди к блинам подавай, масла, варенья,
а также сметаны.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

Мальчики нашли все необходимое для стряпни. Единственное, чего им не хватало, — это старинных гири для взвешивания продуктов. Удалось достать лишь одну фунтовую гирию и выяснили у домового Демьяши, что русский фунт равен примерно 410 граммам, а аттическая миная — приблизительно 430 граммам. Но как отмерить полфунта или одну седьмую мины? Мальчики стали уравнивать на весах гирию и различные одинаковые предметы. Что у них получилось, вы видите на рисунке.

Как вы думаете: можно ли из этих взвешиваний узнать вес одной чашки, ложки, вилки, конфеты? А кто из вас сообразит, какое наименьшее количество этих предметов нужно, чтобы отмерить полфунта (205 г)? Полмины (215 г)? $\frac{1}{7}$ мины (приблизительно 65 г)?

Зам.
Редак.
Л. С.
А. Я.
Л. И.
С. В. А.
ков, И.
В. В.
Худож.
М. С. В.
Рукл.
Ааре
Т.
М-34071
Формат
Тираж
Ленингр.
Совзнад
издате
печать

„ДЕТСКИЙ САД“ ИЛИ ШКОЛА?

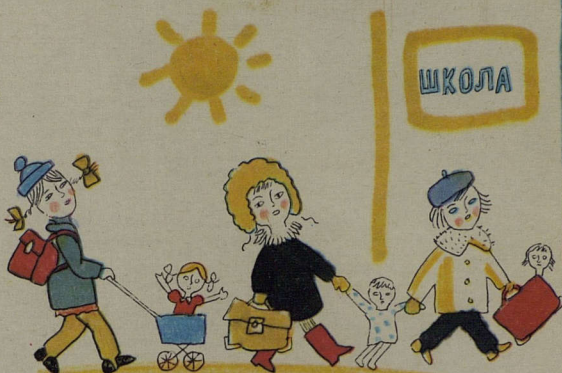
**Здравствуй,
„Боевой школьный“!**

Я учусь в шестом классе. Меня избрали членом редколлегии. Очень люблю рисовать карикатуры!

В нашем классе все девочки вдруг стали играть в куклы. Они даже в школу приносят всяких пупсов. Но школа-то не детский сад.

До свидания.

Ира Колкушева,
Ленинград

В наших газетах «Ежик» и «Колючка» мы пишем об учениках, которые плохо ведут себя, уроков не учат, «едут на двойках».

Из письма Светы Кириленко.
г. Дружновка Донецкой области

Он с морем вовсе не знаком,
А вот прозвали «морьяком»,
Хоть по морям и океанам

Ему, конечно, плавать рано.
Но знают все ученики —
Он может плавать у доски.
В. Шумилин

Здравствуй, КОСтя ТЕРнин

Ты просил написать о том, как действует наша стенная газета на тех, кого она «прорабатывает». Мы выпускаем газету под названием «Перец». Очень сердятся мальчишки, когда их критикуют, высмеивают. Они стирают надписи в газете и тут же пририсовывают что угодно...

Редколлегия «Перца»,
школа № 3,
Тульская область,
г. Алексин Бор

